

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КАФЕДРА КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Институт выдачи в современном международном праве и в практике государств

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по специальности
40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности
очной формы обучения, группы 01001311
Маториной Анны Романовны

Научный руководитель:

к.ю.н., доцент
Никонова Л.И.

Рецензент:

Прокурор отдела прокуратуры
Белгородской области,
кандидат юридических наук
Шеметова О.Ю

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Теоретико-правовая характеристика института выдачи в международном праве.....	6
1.1. Понятие и сущность института выдачи.....	6
1.2 Принципы института выдачи в международном праве.....	21
1.3. Основания для выдачи и отказ в выдаче лица, запрашиваемого в связи с преступлением.....	31
ГЛАВА 2. Институт выдачи в Российской Федерации.....	45
2.1. Институт выдачи в Российской Федерации: проблемы законодательства и правоприменительной практики.....	45
2.2. Роль института выдачи в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.....	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ...75	

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и важность исследования института выдачи, с одной стороны, обусловлена теоретическими проблемами определения содержания, понятия и структуры самого института, а с другой, имеет практическую направленность, связанную с возрастанием роли института выдачи в связи со стремительным развитием общества и проходящими в нем процессами глобализации, миграции, роста организованной международной и транснациональной преступности.

Сегодня через призму преступности можно проследить прямую взаимосвязь национальной безопасности и института выдачи, поскольку именно преступность представляет одну из основных угроз национальной безопасности, а выдача, задачами которой является привлечение к уголовной ответственности и исполнение наказания, в свою очередь, является действенным инструментом, используемым государствами в борьбе с ней.

Исследование института выдачи востребовано современной юриспруденцией еще и потому, что процедура выдачи непосредственно затрагивает права человека. Судебные решения Европейского Суда по правам человека указывают на нарушения прав подлежащих выдаче лиц, причинами которых являются пробелы, неточность, и несоответствие национального законодательства международным нормам и стандартам, что актуализирует тему исследования.

Теоретическая основа работы. В ходе написания выпускной квалификационной работы использованы труды как ученых в области уголовного права, так и специалистов международного права: А.И. Бойцова, Е.В. Быкова, Р.М. Валеева, А.Г. Вениаминова, А.С. Гришина, А.И. Джигирь, С.А. Карапетяна, Е.В. Климова, А.Е. Косарева, О.Б. Лысягина, А.В. Марченко, Налбандян П.С. Наумов А.В., Несмачная Н.В. Нигматуллин Р.В. Никольский Д.П., Очкасова И.В., Плотников А. В., Попаденко Е., Рассказов С.С. Решетнева Т.В., Романов А.К., Саргсян Л.Л., Сафаров Н.А., Сащенко А.И.,

Смирнов М.И., Строганова А.К., Францифоров Ю.В., Шаргородский М.Д., Шупилов В.П. и других.

Нормативную основу исследования составляют международные акты, такие как Устав ООН 1945 г., Статут Международного Суда 1945 г., Европейская конвенция о выдаче 1957 г. и протоколы к ней, Межамериканская конвенция о выдаче 1981 г., Минская конвенция 1993 г., Кишиневская конвенция 2002 г., Резолюция № 45/116 Генеральной Ассамблеи ООН «Типовой договор о выдаче» 1990 г., двусторонние договоры РФ по вопросам выдачи, правовой помощи и передачи для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы, а также пакет конвенций, закрепляющих основные права человека, и др. В числе использованных актов национального законодательства Конституция РФ 1993 г., УК РФ 1996 г., УПК РФ 2001 г., ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» 1992 г., Указ Президента РФ «О стратегии национальной безопасности РФ» 2015 г. и др. Эмпирической базой исследования также является судебная практика Европейского Суда по правам человека и акты Верховного Суда РФ.

Объектом исследования являются межгосударственные отношения, складывающиеся в результате заключения двусторонних, региональных и универсальных соглашений, предусматривающие борьбу с преступностью и выдачу запрашиваемых в этой связи лиц.

Предметом исследования является институт выдачи в современном международном праве и в практике государств.

Целью выпускной квалификационной работы является комплексное изучение и анализ состояния и перспектив развития института выдачи в международном праве. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- определить юридическую сущность института выдачи и его место в международно-правовом сотрудничестве государств в сфере уголовного судопроизводства;
- выявить принципы, действующие в рамках института выдачи;

- рассмотреть основания для выдачи требуемого лица и проанализировать основания для отказа в выдаче лица, запрашиваемого в связи с преступлением;
- раскрыть проблемы законодательства и правоприменительной практики при реализации норм институт выдачи в Российской Федерации;
- показать роль института выдачи в обеспечении национальной безопасности России.

В качестве **методологической основы** работы выступают общенаучные и частнонаучные методы. К общенаучным методам исследования относятся описание, анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение и аналогия. Также использованы логический, системный, исторический, структурно - функциональный и институциональный методы. Из числа частнонаучных (специальных) методов исследования применены формально-юридический, метод правовой статистики и сравнительно-правового анализа.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. Теоретико-правовая характеристика института выдачи в международном праве

1.1. Понятие и сущность института выдачи

Институт выдачи в международном уголовном праве относится к одному из самых актуальных вопросов, обсуждаемых в современной науке. Различные аспекты данной проблемы являются предметом исследования специалистов в области международного права. Однако приходится констатировать, что до настоящего времени им не удалось прийти к единому мнению относительно термина «выдача». Одной из причин является то, что современные ученые, рассматривающие проблемы выдачи, опираются на теоретические разработки отечественных деятелей науки дореволюционного и советского периодов. Другими причинами выступают: существенно изменившаяся нормативная база, новые направления международного сотрудничества и создание международных судебных органов. Учитывая динамику развития данного института, сформулированные много лет назад определения, преимущественно, стали малоактуальными, поэтому возникает необходимость изучения правовой природы института выдачи и анализа существующих в юридической науке определений в целях раскрытия содержательной сущности данной правовой категории.

Анализ научных работ позволил выявить встречающиеся в них словосочетания «выдача преступника», «выдача лица, совершившего преступления» и другие аналогичные конструкции, что с юридической точки зрения является ошибочным¹. Такое употребление терминов уместно лишь в отношении выдачи лиц, осужденных за совершение преступления вступившим в законную силу приговором суда. Между тем, в подавляющем большинстве, выдаче подвергаются лица, в отношении которых еще ведется предварительное следствие, и соответственно, отсутствует приговор суда. Более того, согласно действующему законодательству, запрашиваемое государство не рассматри-

¹ Бойцов А.И. Выдача преступников. – СПб: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 402.; Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве (некоторые вопросы теории и практики). – Казань, 1976. – С. 28-29.

вает вопрос о виновности или невиновности лица в инкриминируемом ему деянии, данный вопрос находится за рамками процедуры выдачи.

Статья 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹ закрепляет принцип презумпции невиновности, исходя из которого, каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, считается невиновным, пока его вина не будет установлена законным порядком путем судебного разбирательства. Употребление термина «преступник» противоречит общепризнанному и основополагающему принципу уголовного судопроизводства. Данная юридическая некорректность носит исключительно теоретический характер и не вызывает проблем в правоприменительной практике, так как лицо обладает конкретным статусом. В международных актах и договорах избегают употребления слов «преступник», «лицо, совершившее преступление», а в качестве обобщенного понятия используют «требуемое лицо», «лицо, требуемое в связи с преступлением»². Считаю целесообразным придерживаться такого же подхода.

В доктринальных исследованиях достаточно часто наряду с «выдачей» применяется термин «экстрадиция». По этому поводу сложилось два мнения: одни ученые считают эти понятия тождественными, другие полагают, что экстрадиция, помимо выдачи охватывает ряд смежных явлений. Сторонниками первой теории являются А.И. Сащенко и А.И. Джигирь, по мнению которых:

- 1) понятия «выдача» и «экстрадиция» имеют общее латинское название – «extraditio»;
- 2) в некоторых международных договорах применяется термин «экстрадиция»;
- 3) отсутствуют какие-либо основания для широкого понимания экстрадиции³.

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 1995. – № 67, 5 апреля.

² Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13.12.1957) (с изм. от 20.09.2012) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 9. – С. 3 - 11, 19 - 28.

³ Сащенко А.И. Институт экстрадиции в уголовном праве // Юридический журнал. – 2009. – № 2. – С. 91.

А.И. Джигирь отмечает, что на доктринальном уровне синонимичность терминов «экстрадиция» и «выдача» является бесспорной, а, следовательно, их использование в научной литературе допустимо в равной степени¹.

Представители диаметрально противоположной точки зрения убеждены, что экстрадиция более обширное понятие, чем выдача. Так, П.С. Налбандян рассматривает экстрадицию как процессуальную процедуру не только по выдаче лица в целях уголовного преследования, исполнения приговора, но и передачу лица для отбывания наказания (применения к нему принудительных мер медицинского характера)². А.К. Романов и О.Б. Лысягин считают выдачу лишь формой реализации процедуры экстрадиции. По их мнению, имеются все основания для отнесения передачи для отбывания наказания наряду с выдачей к самостоятельным формам экстрадиции³. Некоторую ясность вносит Уголовно-процессуальный кодекс РФ⁴, разделяющий выдачу лица для уголовного преследования или исполнения приговора (Глава 54) и передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является (Глава 55). Это позволяет сделать вывод о самостоятельности данных институтов, несмотря на их видимую схожесть.

Т.В. Решетнева считает, что уголовно-процессуальное законодательство требует использования единой терминологии, к тому же обозначение одного и того же института и выдачей, и экстрадицией вносит разночтения в понимание, толкование и применение экстрадиции практическими работниками. По этой причине, автор в рамках института экстрадиции выделяет следующие элементы:

¹ Джигирь А.И. Экстрадиция: терминологический аспект // Закон и право. – 2008. – № 6. – С. 108.

² Налбандян П.С. Проблемы регламентации и осуществления экстрадиции по уголовно-процессуальному законодательству России как вида правовой помощи по уголовным делам // Казанская наука. – 2012. – № 11. – С. 253-255.

³ Романов А.К. Лысягин О.Б. Институт экстрадиции: понятие, концепция, практика // Право и политика. – 2005. – № 3. – С. 92.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018 № 31-ФЗ) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // Российская газета. – 2001. – № 249, 22 декабря; 2018, 04 мая.

- выдача лица в целях осуществления уголовного преследования или исполнения приговора;
- передача лиц, осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в государстве их гражданства;
- группу норм, регламентирующих проведение экстрадиционных мероприятий – экстрадиционную проверку и транзит, решение вопроса о коллизии запросов, поступивших от нескольких иностранных государств¹.

Выделение этим автором в структуре экстрадиции нескольких элементов, отражает приверженность к мнению о том, что понятие «экстрадиция» шире по объему, чем «выдача».

С точки зрения А.С. Гришина, экстрадиция в отличие от передачи лица для отбывания наказания в государство гражданства, носит принудительный характер и осуществляется вне зависимости от желания лица, в то время как передача для отбывания наказания возможна только по инициативе самого лица. В свою очередь, такие экстрадиционные мероприятия как проверка, транзит и разрешение коллизий запросов о выдаче охватываются понятием «выдача», ввиду отсутствия достаточных основания для выделения их в качестве самостоятельных направлений правового сотрудничества².

Считаем, что соотношение понятий «экстрадиция» и «выдача» зависит от выбранного к пониманию экстрадиции подхода. В узком смысле под экстрадией понимается выдача лица в целях уголовного преследования или исполнения приговора, а в широком – выступает как обобщающий термин, охватывающий институты выдачи и передачи для отбывания наказания.³ В связи с тем, что в международных и национальных актах термин «экстрадиция» практически не встречается, придерживаемся мнения, что экстрадиция является родовым понятием, а выдача видовым.

¹ Решетнева Т.В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики: дисс. ... к.ю.н. – Ижевск, 2009. – С. 90,100.

² Гришин А.С. К вопросу о понятии выдачи лиц в целях осуществления уголовного преследования или исполнения приговора (экстрадиции) // Вопросы российского и международного права. – 2014. – № 1. – С. 34.

³ Ижнина Л.П. Соотношение терминов «правовая помощь по уголовным делам», «выдача преступников» и «экстрадиция» // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 370.

Как в юридической литературе, так и на практике вопрос соотношения понятий «выдача» и «передача для отбывания наказания» решен, по большей части, в сторону разграничения. Их разграничение проводится по ряду оснований. Одним из них является субъектный критерий. Если выдаче может подвергаться лицо с любым уголовно-правовым статусом любому государству, установившему в его отношении персональную, реальную или универсальную юрисдикцию, то передаче подвергается только осужденный и исключительно государству, гражданином которого он является. Отсюда следует, что осужденный может быть субъектом и выдачи, и передачи. Здесь в обоих случаях речь идет о перемещении лиц, в отношении которых вступил в законную силу обвинительный приговор суда, в сферу исполнительной юрисдикции для обеспечения реализации этого приговора. Кроме того, в основании выдачи и передачи осужденных лежит взаимное признание приговоров и юрисдикции другой стороны. Принципиальным отличием является то, что передаче подлежит лицо, осужденное по законодательству иностранного государства, тогда как при выдаче речь идет о выдаче лица, заочно (*in absentia*) осужденного запрашивающим государством либо скрывавшегося после осуждения с целью уклонения от отбывания наказания. Следовательно, передача осужденного для отбывания наказания осуществляется из государства вынесения приговора, а выдача – из государства, на территории которого он находится, в государство, судом которого он осужден¹.

Целью выдачи является привлечение к уголовной ответственности и исполнение приговора, а передача преследует своей целью отбывание наказания. Принципиальное значение имеет также характер осуществляемой процедуры. Выдача лица производится в принудительном порядке. Основанием же передачи лица для отбывания наказания, согласно УПК РФ, служит решение суда, принимаемого на основании представления федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области исполнения нака-

¹ Евсичева Л.Л. Экстрадиция, выдача и передача как институты международного сотрудничества в российском уголовном процессе (сравнительно-правовой аспект) // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 1. – С. 112.

заний, обращения осужденного лично или через представителя, а также компетентных органов иностранного государства. Институт передачи лиц для отбывания наказания способствует более эффективному достижению целей уголовного наказания, а также соблюдения принципа гуманности.

Подтверждением отличия выдачи и передачи является также факт регламентации данных институтов в разных главах УПК РФ. Кроме того в российской практике имеются договоры, непосредственно посвященные передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (например, с Аргентиной 2014 г., Абхазией 2015 г.)¹.

Понятие выдачи нормативно не закреплено в международных и даже национальных актах, что дает ученым широкий простор для толкования, поэтому обратимся к доктринальным разработкам в этой области.

Поддерживаем точку зрения М.И. Смирнова, понимающего под выдачей «процедуру, осуществляемую в соответствии с международными договорами, национальным законодательством или на основе принципа взаимности, где лицо, находящееся на территории запрашиваемого государства, доставляется (перемещается) в запрашивающее государство с целью привлечения его к уголовной ответственности или исполнения наказания»².

Полагаем, что определение «выдачи» должно охватывать основные существенные моменты, характеризующие данное направление международного сотрудничества³.

Первым таким важнейшим моментом является субъектный состав выдачи. Профессор М.Д. Шаргородский указывал, что выдача представляет собой передачу требуемого лица запрашиваемому государству. Причем, в качестве последнего может выступать государство: на территории, которого со-

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (Санкт-Петербург, 28.05.2015) // Бюллетень международных договоров. – 2017. – № 5. – С. 53 - 60; Договор между Российской Федерацией и Аргентинской Республикой о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (Буэнос-Айрес, 12.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 6. – Ст. 801.

² Смирнов М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. – 2007. – № 3. – С. 15.

³ См.: Гришин А.С. Указ. соч. – С. 35.

вершено преступление, против интересов которого было направлено преступление или государство гражданской принадлежности лица, совершившего преступное деяние¹. Здесь подробно очерчен круг потенциальных адресатов выдачи, однако остается неясным, какой субъект осуществляет выдачу. Данный аспект учтен профессором Р.М. Валеевым в монографии «Выдача преступников в современном международном праве»². В предложенной им дефиниции выдача расценивается как акт правовой помощи, состоящий в передаче обвиняемого или осужденного государством, на территории которого он находится, государству, на территории которого было совершено преступление, потерпевшему от преступления государству или государству гражданства для привлечения лица к уголовной ответственности или приведения к исполнению приговора.

Сегодня помимо государств субъектами выдачи могут выступать также международные судебные органы. В.П. Зимин в своем определении обращает на это внимание, указывая в качестве альтернативы запрашивающему государству Международный уголовный суд³. В то же время, наряду с постоянно действующим органом отправления правосудия, могут создаваться временные (*ad hoc*), например, международный трибунал. В отношении субъектного состава универсальное определение приводит Е.В. Климов: «выдача – это основанный на международных соглашениях, нормах национального законодательства процесс предоставления государствами правовой помощи в виде передачи лица государством, на территории которого оно находится, другому уполномоченному субъекту международного права для уголовного преследования или исполнения вступившего в законную силу обвинительного приговора суда»⁴.

В доктринальных определениях используется и разный состав выдаваемых субъектов. Причиной тому является применение в международных ак-

¹ Курс советского уголовного права: в 5 т./МД Шаргородский, Н.А. Беляев. – Л., 1968. –Т.1. –С.141.

² Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве (некоторые вопросы теории и практики). – Казань, 1976. – С. 28-29.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд. перераб. и доп. / Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков – М.: Юрайт-Издат, 2006. – С. 848.

⁴ Климов Е.В. Институт выдачи в уголовном процессе: определение понятия и значение // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 2. – С. 89-93.

тах обобщающего понятия – «лицо, требуемое в связи с преступлением», «требуемое лицо». Это дает основание полагать, что им может быть лицо с различным уголовно-правовым статусом: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный.

Цель выдачи также является немаловажной составляющей, поскольку именно она служит основанием отличия от смежного с ней института передачи лица для отбывания наказания в государстве гражданства, а также административных процедур (депортации, выдворения, высылки)¹. Практически во всех теоретических определениях содержится конкретная, устоявшаяся формулировка цели – привлечение к уголовной ответственности и исполнение приговора.

Дискуссионным также является вопрос протяженности выдачи во времени. Некоторые авторы ассоциируют выдачу с передачей. С точки зрения А.В. Наумова, под выдачей понимается передача лица (подозреваемого, обвиняемого или осужденного) одним государством другому для привлечения его к уголовной ответственности или для исполнения в отношении последнего обвинительного приговора². Аналогичные определения содержатся в работах А.В. Плотникова, Г.В. Игнатенко, В. Коняхина и других ученых³.

А.С. Гришин считает, что подобная позиция представляется неприемлемой по двум основаниям. Во-первых, она порождает терминологическую путаницу, поскольку смешивает «выдачу» с понятиями «передача лица для отбывания наказания в государство гражданства», «фактическая передача лица, в отношении которого принято решение о выдаче» и «передача международным судебным органам», имеющим совершенно самостоятельное юридическое значение. Во-вторых, «выдача» сводится к одномоментному явлению, отождествляя ее при этом с моментом фактической передачи лица из

¹ Гришин А.С. Указ. соч. – Ст. 39.

² Наумов А.В. Практика применения уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 17.

³ Игнатенко Г.В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: Учебное пособие. – Свердловск, 1980. – С. 35; Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 130; Коняхин В. Институт экстрадиции: уголовно-правовая регламентация // Законность. – 2005. – № 1. – С. 19.

юрисдикции одного государства в распоряжение другого, но даже после фактической передачи лица экстрадиционные отношения не прекращаются. Так, например, за запрашивающим государством сохраняется обязанность уведомить запрашивающее государство о результатах уголовного преследования.

В отечественной науке выработан подход к выдаче как к более протяженному во времени процессу, который включает в себя обращение с запросом, принятие решения о выдаче или отказе в выдаче, обжалование решения, а также передачу лица на время и отсрочку в выдаче¹.

Д.П. Никольский трактовал выдачу как совокупность юридических действий, посредством которых одно государство выдает лицо другому государству, имеющему право суда и наказания². К недостаткам данного определения можно отнести отсутствие указания на то, какие именно действия составляют содержание выдачи. В дефиниции, разработанной Е. Попаденко, учтен данный момент. Автор считает, что выдача представляет собой комплекс уголовно-процессуальных действий, направленных на розыск, задержание, заключение под стражу и передачу лица иностранному государству или международному судебному органу с целью осуществления уголовного преследования, отправления правосудия или приведения в исполнения приговора суда³.

А.К. Романов и О.Б. Лысягин выделяют пять стадий выдачи:

- 1) возбуждения инициативы о выдаче лица;
- 2) процесс принятия решения данного вопроса компетентными органами двух государств;
- 3) обжалование принятого решения;
- 4) непосредственно процесс передачи лица;
- 5) легализация приговора судом государства, принявшим лицо⁴.

¹ См.: Гришин А.С. Указ. соч. – С. 41.

² Никольский Д.П. О выдаче преступников по началам международного права. Электронный ресурс // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru>.

³ Попаденко Е. Выдача лиц в международном уголовном праве // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 60-65.

⁴ См.: Романов А.К. Лысягин О.Б. Указ. соч. – С. 91-98.

В ряде определений выдачи акцент делается на возвращении лица. Так, академик В.Н. Кудрявцев в своей дефиниции использует в качестве ключевого слова «возвращение», а не «акт правовой помощи» или «передача» и включает в понятие выдачи мероприятия, предшествующие непосредственной передаче: розыск, задержание и арест¹.

По мнению А.Е. Косаревой, выдача представляет собой совокупность уголовно-процессуальных действий и решений компетентных органов запрашиваемого государства, в связи с рассмотрением, разрешением и фактическим исполнением просьбы запрашивающего государства о принудительном возвращении на его территорию лица для осуществления в отношении него уголовного преследования или исполнения приговора². Данные определения не учитывают два момента. Во-первых, лицо может быть выдано за совершение преступного деяния государству, не являющимся государством места совершения преступления или государством гражданства. Во-вторых, преступление может быть совершено дистанционно (особенно это касается преступлений в сфере компьютерных технологий). Таким образом, использовать «возвращение» как ключевое слово в определении выдачи является юридически некорректно. В этой связи представляется более верным определение, выработанное Н.В. Несмачной и Ю.В. Францифоровым, считающими, что «выдача – это основанная на принципах и нормах международного и внутригосударственного права, в соответствии с международным договором или письменным обязательством Генерального прокурора РФ процедура передачи для привлечения к уголовной ответственности или для исполнения приговора в отношении подозреваемого, обвиняемого или осужденного государством, на территории которого находится лицо, государству, пострадавшему от преступного деяния, государству, на территории которого совершено преступление либо государству гражданства для осуществления в отношении

¹ Уголовный процесс: Учеб. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.П. Божьева. – М., 2004. – С. 626.

² Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... к.ю.н. – СПб., 2005. – С. 8.

данного лица расследования и правосудия, а также предшествующие передаче розыск, задержание и арест¹.

Целесообразно включать в определение выдачи и правовые основания ее осуществления. Л.Н. Галенская в определении выдачи указывает, что данный процесс должен осуществляться в соответствии с нормами международного права. Однако на сегодняшний день правовые основы выдачи не исчерпываются нормами международного публичного права². Институт выдачи является примером удачного сочетания норм международного и внутригосударственного права. Именно так он понимается в российской и зарубежной науке. В.К. Звирбуль и В.П. Шупилов трактуют выдачу как акт правовой помощи, осуществляемый в соответствии с положениями специальных договоров, содержащих нормы материального и процессуального уголовного законодательства соответствующего государства, заключающийся в передаче преступника другому государству для предания его суду или приведения в исполнение вынесенного приговора³.

Следует отметить, что наряду с вышеперечисленными актами на практике применяется международная вежливость, согласно которой удовлетворение запроса о выдаче является актом добровольного решения одного государства по отношению к другому, в частности рассчитывая в будущем на взаимное оказание такого рода правовой помощи. С точки зрения Л.Л. Саргсяна основанием выдачи в современном международном праве можно считать двусторонние и многосторонние договоры, национальные законы о выдаче, а также – принцип взаимности и моральные нормы⁴.

Еще одним признаком, характеризующим правовую природу института выдачи, является ее осуществление по требованию государства. Документом, который служит основанием для возбуждения процедуры выдачи, является

¹ Францифоров Ю.В., Несмачная Н.В. Институт выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2013. – № 11. – С. 16-17.

² Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. – М.: Междун. отношения, 1972. – С. 122.

³ Звирбуль В.К., Шупилов В.П. Выдача уголовных преступников. – М., 1974. – С. 6.

⁴ Саргсян Л.Л. Некоторые международно-правовые аспекты выдачи преступников // Вестник общественных наук НАН Армении. – 2002. – № 2. – С. 171.

запрос. В связи с чем, обратим внимание на определение С.Т. Кучухидзе, который под выдачей понимает вид правовой помощи, осуществляемой субъектами международного права по просьбе или требованию компетентных органов государства, включающих выдачу обвиняемых и осужденных с целью их привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания на основе международно-правовых норм и внутригосударственного законодательства¹.

Таким образом, рассмотрев различные точки зрения, полагаем, что более точным определением является следующее: «выдача представляет собой основанную на нормах международного и национального права, а также на принципе взаимности, совокупность правовых отношений между государствами, заключающихся в совершении уголовно-процессуальных действий, направленных на розыск, задержание, заключение под стражу и непосредственную передачу лица государством, на территории которого находится требуемое лицо по запросу государства, на территории которого было совершено преступление, государства, пострадавшего от преступления или государства, гражданином которого является данное лицо, а также международному судебному органу в целях привлечения к уголовной ответственности или для исполнения, вынесенного в отношении него приговора.

Кроме дефиниции выдачи в юридической литературе поводом для многочисленных дискуссий является также место данного института в науке международного уголовного права.

Так, А.В. Марченко указывает, что выдача является одним из основных видов международно-правовой помощи сотрудничества государств в борьбе с преступностью². А.К. Строганова, соглашаясь с мнением А.В. Марченко, добавляет, что экстрадиция как вид международной помощи по уголовным делам входит в состав направлений международного сотрудничества в сфере

¹ Кучухидзе С.Т. Правовые основания для отказа в экстрадиции в международном публичном праве: автореф. дисс. ... к.ю.н. – М., 2008. – С. 7.

² Марченко А.В. Международное сотрудничество в уголовном процессе по выдаче преступников: правовое регулирование и практика: автореф. дисс. ... к.ю.н. – СПб., 2004. – С. 9.

борьбы с преступностью¹. П.С. Налбандян придерживается той же позиции, считая, что «экстрадиция однозначно является видом правовой помощи по уголовным делам», и имеет своей целью содействие запрашивающему государству осуществить его право на осуждение и наказание лиц, нарушивших его законы, а, следовательно, выводить ее за рамки основной процессуальной формы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства не представляется целесообразным².

Подтверждением вышеизложенной позиции, служит тот факт, что в международных конвенциях правовая помощь по уголовным делам и выдача соотносятся как общее и частное. В качестве примера можно привести Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.³, где выдача нормативно закреплена в разделе IV «Правовая помощь по уголовным делам» наряду с осуществлением уголовного преследования, передачей предметов и необходимых сведений.

Р.В. Нигматуллин, Е.В. Климов и В.С. Кулаков также рассматривают выдачу как один из видов правовой помощи. Отметим, что выдача принципиально отличается от актов международного сотрудничества, совокупность которых составляет институт правовой помощи по уголовным делам. К таким актам относятся: допрос свидетелей, потерпевших, обвиняемых, экспертов; производство обыска, осмотра и иных следственных действий, связанных со сбором доказательств; производство экспертиз; передача вещественных доказательств, документов, связанных с производством по уголовному делу, следственных и иных процессуальных действий.

Если осуществление актов правовой помощи не является определяющим для самой возможности осуществления уголовного преследования и в случае отказа в такой помощи со стороны запрашиваемого государства производство по делу продолжится, то выдача является ключевым моментом для

¹ Строганова А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации. – М., 2005. – С. 5.

² См.: Налбандян П.С. Указ. соч. – С. 254.

³ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) (с изм. от 28.03.1997) // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 2.

определения дальнейшей судьбы уголовного преследования. При положительном решении вопроса о выдаче уголовное преследование продолжается, а при отказе оно будет приостановлено за отсутствием обвиняемого, либо передано властям запрашиваемого государства, либо прекращено¹.

В науке также имеется позиция о самостоятельности институтов выдачи и правовой помощи. Она основывается на следующих аргументах. Во-первых, если речь идет о выдаче лица для приведения в исполнения приговора, то в этом случае никаких действий по расследованию дела, в котором могла бы понадобиться помощь, уже не будет осуществляться. Во-вторых, законодатель четко и однозначно разделил институты правовой помощи по уголовным делам и выдачи, посвятив их регламентации разные главы УПК РФ. Еще одним доводом служат новые тенденции в практике государств. До недавнего времени в российской практике нормы о выдаче содержались лишь в общих договорах о правовой помощи и правовом сотрудничестве. Это давало повод исследователям считать договоры о правовой помощи шире соглашений о выдаче, а, следовательно, устанавливать иерархическую взаимосвязь между данными институтами². Но последнее время Россия пошла по пути заключения двух различных видов договоров:

- о правовой помощи по уголовным делам (например, договоры с Канадой 1997 г., Японией 2009 г., ОАЭ 2014 г., Филиппинами 2017 г.)³;
- о выдаче (например, договоры с Индией 1998 г., Бразилией 2002 г.)⁴.

Отметим, что относительно недавно в международной практике стал использоваться новый вид договора – смешанный. Об этом свидетельствует

¹ См.: Гришин А.С. Указ. соч. – С. 38.

² См.: Романов А.К. Лысягин О.Б. Указ. соч. – С. 91-98.

³ Договор между Российской Федерацией и Канадой о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Москве 20.10.1997) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 5; Договор между Российской Федерацией и Японией о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Токио 12.05.2009) // Бюллетень международных договоров. – 2011. – № 8; Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Подписан в г. Абу-Даби 25.11.2014) // Бюллетень международных договоров. – 2016. – № 9.

⁴ Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче (Подписан в г. Дели 21.12.1998) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 10; Договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче (Подписан в г. Москве 14.01.2002) // Бюллетень международных договоров. – 2007. – № 3.

заключенный в 2014 г. договор между Россией и Турцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче¹.

Таким образом, точка зрения о самостоятельности института выдачи на современном этапе располагает убедительными, подтверждаемыми практикой аргументами. Это и разделение законодателем в тексте УПК РФ международного сотрудничества на несколько отдельных направлений, среди которых непосредственно правовая помощь, выдача лица и передача лица для отбывания наказания в государстве гражданства. Для внесения полной ясности необходимо обозначить, что правовая помощь включает в себя передачу документов, предметов и иных доказательств, вызов и получение показаний и заявлений от свидетелей, потерпевших, экспертов, производство следственных и ряда иных процессуальных действий. Демонстрирует обособленность института выдачи и факт заключения многочисленных двусторонних договоров между государствами. В этой связи в целях унификации правовых норм и упрощения процедуры в 1990 г. Генеральной Ассамблеей ООН был разработан и принят Типовой договор о выдаче².

Таким образом, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства складывается из таких институтов, как правовая помощь, выдача и передача лица для отбывания наказания в государство гражданства. Последние два охватываются понятием экстрадиция. Соглашаясь с мнением многих авторов, придерживающихся указанной позиции, считаем также целесообразным, закрепить понятия выдачи и передачи в статье 5 (основные понятия) УПК РФ с целью их разграничения.

¹ Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче (Подписан в г. Анкаре 01.12.2014) // Бюллетень международных договоров. – 2017. – № 10.

² Резолюция № 45/116 Генеральной Ассамблеи ООН «Типовой договор о выдаче» (Принята 14.12.1990 на 68-ом пленарном заседании 45-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]//URL: <http://www.un.org/ru/index.html>.

1.2. Принципы института выдачи в международном праве

В теории права под принципами принято понимать основополагающие идеи, руководящие начала, определяющие основу и дальнейшие направления правового регулирования определенных общественных отношений. Следовательно, принципами института выдачи являются базисные положения, представляющие собой общеобязательные, универсальные правила, которыми субъекты должны руководствоваться при осуществлении процедуры выдачи. Если обратиться к основным источникам рассматриваемого института – Европейской конвенции о выдаче 1957 г., Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. и другим, то можно обнаружить, что, несмотря на их универсальный характер, они прямо не закрепляют принципы выдачи. Их сформулировали и конкретизировали ученые путем толкования норм данных конвенций.

Первый принцип именуется как «*aut dedere aut judicare*» (лат.), что дословно переводится «либо выдай, либо суди». Впервые его суть была изложена в книге Гуго Гроция «О праве войны и праве мира» в следующей формулировке: «Государство, в котором находится тот, кто уличен в преступлении, должно или само, по требованию другого государства, наказать преступника, или предоставить это соответствующему государству»¹. В науке международного уголовного права данный принцип также известен как принцип неотвратимости наказания лица за совершенное уголовное деяние.

Следующий принцип – «*non bis in idem*», буквально означающий «не дважды за одно и то же». Он положен в основу концепции основных прав и свобод человека, поэтому «география» данного правила достаточно широка. Он был нормативно закреплен как на международном, так и национальном уровне. Часть 1 ст. 50 Конституции РФ² устанавливает запрет повторного

¹ Ляхов Е. Г. Экстрадиция и принцип «*aut dedere aut judicare*»: становление и современные проблемы // Публичное и частное право. – 2012. – № 2. – С. 171.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

осуждения за одно и то же преступление. Принцип недопустимости двойного инкриминирования носит исключительный характер и в силу своей конституционно-правовой природы не подлежит ограничению¹. Однако, данный принцип признается конституциями не всех стран. Конституции Кипра, Мальты, Чехии, Албании, Хорватии и Словакии предусматривают исключение из этого принципа – лицо не может быть привлечено дважды к уголовной ответственности за действие или бездействие, за исключением случаев, когда смерть потерпевшего является отдаленным последствием ее предварительной преступной деятельности². Считаем, что формулировка, которая закреплена в Конституции РФ, является оправданной и не должна предусматривать какие-либо исключения.

К международным актам правозащитного характера, которые гарантируют защиту от повторного осуждения, следует отнести: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (п. 7 ст. 14)³ и Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятый в 1984 г.⁴ (ст. 4). Причем, п. 2 ст. 4 настоящего Протокола устанавливает, что повторное рассмотрение дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, а также допущенных в ходе предыдущего разбирательства существенных нарушений, повлиявших на исход дела, не расходится с принципом «non bis in idem».

А.В. Плотников справедливо отмечает, что принцип *non bis in idem* также обеспечивает целостность и независимость судебной системы запра-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 3

² Бутко Б.В. Значение положения *non bis in idem* как принципа уголовного права // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей победителей VIII Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 350.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании ГА ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

⁴ Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3835.

шиваемого государства, где состоялось разбирательство по делу лица, препятствуя вмешательству судебных органов запрашивающей стороны в процесс правосудия по уголовным делам, ставящей под сомнение ранее вынесенное решение¹.

Преступность и наказуемость деяния по законодательству обеих сторон как неперенное условие выдачи известно в виде принципа двойного инкриминирования, называемого принципом «тождественности»², «двойного вменения»³, «двойной преступности»⁴, «двустороннего определения состава преступления»⁵ или «двойной подсудности»⁶. В доктрине российского и зарубежного права этот принцип никогда не ставился под сомнение, поскольку он отвечает правилу «*nullum crimen sine lege*» (нет преступления без указания о том в законе), подкрепляя его применительно к международно-правовой практике государств в области выдачи⁷. Инкриминируемое деяние должно считаться преступным как по законам государства, где укрывается требуемое лицо, так и по законам государства, которое просит о его выдаче.

Господствующим в международном праве является мнение о том, что констатация двойной преступности требует совпадения деяний, а не их наименований⁸. Более того, не требуется абсолютной идентичности элементов состава преступного деяния, а достаточно более или менее полного сходства элементов состава преступления по уголовному праву соответствующих государств. Главное «не в деталях квалификации деяния, а в том, что оно в принципе признается преступным в этом государстве»⁹.

¹ Плотников А. В. Принцип *non bis in idem* и обеспечение прав человека в экстрадиционном процессе // Современное право. – 2011. – № 4. – С. 135-138.

² Шаргородский М.Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве // Вестник Ленинградского университета. – 1947. – №8. – С.53.

³ Валеев Р.М. Указ. соч. – С. 39.

⁴ Курс советского уголовного права: в 5 т. / М. Д. Шаргородский, Н.А. Беляев. – Л., 1968. – С. 101.

⁵ Звирбуль В.К., Шупилов В.П. Выдача уголовных преступников. – М., 1974. – С. 25.

⁶ Минкова Ю.В. Принципы института выдачи (экстрадиции) в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М, 2002. – С. 25.

⁷ Бойцов А.И. Выдача преступников. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 402.

⁸ Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. – М., 1972. – С. 128.

⁹ См.: Минкова Ю.В. Указ. соч. – С. 25.

Криминальная тождественность общественно опасного деяния должны присутствовать как в момент совершения преступления, так и сохранять свою юридическую значимость на момент принятия решения о выдаче. Данное обстоятельство важно потому, что уголовное законодательство постоянно реформируется и модификациям подвергаются и наименования, и содержание составов преступления¹. Весьма ценное положение на этот счет содержится в п. 3 ст. 14 Европейской конвенции о выдаче: «когда описание преступления, в совершении которого предъявлено обвинение, изменяется в ходе судопроизводства, возбуждение уголовного преследования в отношении выдаваемого лица или вынесение ему приговора возможно лишь постольку, поскольку новое описание преступления образует элементы преступления, позволяющего осуществить выдачу»².

Следующим важным принципом является принцип специализации, означающий, что выданное лицо может быть судимо и подвергнуто наказанию только за то преступление, которое было оговорено в запросе о выдаче. Теоретическое обоснование данного принципа видится в том, что выход за пределы уголовного преследования, очерченные в процессе выдачи, может привести к произволу в отношении выданного лица. Поэтому договорная практика пошла по пути закрепления правила о том, что без согласия выдающей стороны лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности и подвергнуть наказанию за преступления, совершенные до выдачи и за которое оно не было выдано. Помимо согласия запрашиваемого государства, исключением из этого правила служит ситуация, когда лицо, имея возможность покинуть территорию стороны, которой оно было передано, не сделало этого в течение 30 дней после своего окончательного освобождения или возврати-

¹ Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / А. В. Наумов, А. Г. Кибальник, В. Н. Орлов и др.; под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2016. - С. 375-376.

² Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13.12.1957)// Бюллетень международных договоров. - 2000. - № 9. - С. 3 - 11, 19 - 28.

лось на эту территорию после того, как покинуло ее (п. 1 «б» ст. 3 Четвертого Дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче¹).

Не менее важным в вопросах выдачи является принцип экстрадиционности («минимального срока наказания»). Он означает, что деяние должно входить в список преступлений, за совершение которых государство может потребовать выдачи интересующего его лица от государства, на территории которого оно находится.

В ст. 1 Европейской конвенции о выдаче закреплено обязательство сторон выдавать друг другу лиц, в отношении которых компетентные органы запрашивающей стороны осуществляют судопроизводство в связи с преступлением или которые разыскиваются указанными органами для приведения в исполнение приговора или постановления об аресте. Причем выдача осуществляется в отношении не всех преступлений, а лишь тех, за совершение которых согласно законодательству обеих сторон предусмотрено лишение свободы сроком не менее года или более серьезное наказание. Если осуждение и тюремное заключение или же постановление об аресте имеют место на территории запрашивающего государства, то такой срок должен составлять не менее 4 месяцев. Если запрос о выдаче включает ряд отдельных преступлений, однако некоторые из них не отвечают условию в отношении срока наказания, то запрашиваемое государство имеет право осуществить выдачу за остальные преступления.

Стоит обратить внимание на то, что ст. 2 и 26 Европейской конвенции устанавливают право государств на оговорку. Так любое государство, закон которого не предусматривает выдачу за некоторые преступления, может исключить их из сферы применения Конвенции. Это может быть сделано как в момент сдачи ратификационной грамоты на хранение или документа о присоединении Генеральному секретарю Совета Европы, так и в любой другой момент при условии уведомлении об этом Генерального секретаря. Впослед-

¹ Четвертый дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче (Подписан в г. Вене 20.09.2012) // Бюллетень международных договоров. – 2018. – № 1.

ствии, о списке преступлений, исключаящих выдачу или, наоборот, ее разрешающих уведомляются остальные государства, подписавшие Конвенцию.

Суть принципа взаимности сводится к тому, что государства, не являющиеся сторонами одной конвенции либо двустороннего соглашения, могут удовлетворить запрос о выдаче на основе принципа взаимности, в будущем рассчитывая на обоюдное поведение в аналогичной ситуации.

Принципы – это нормы императивного характера, требующие подчиненности им со стороны иных правовых норм, а также неукоснительного соблюдения их участниками соответствующих правоотношений. В этом плане принцип взаимности является, скорее всего, исключением, а не правилом, ведь актами международного права нормативно не закреплена обязанность государств следовать данному принципу. Сегодня он носит рекомендательный характер, хотя в научной литературе можно встретить предложения относительно закрепления его обязательности в случае отсутствия договора, устанавливающего выдачу, при условии отсутствия оснований для отказа.

Принцип ответственности за совершение финансового преступления первоначально был изложен в ст. 5 Европейской конвенции о выдаче, которая в последующем была заменена положениями Главы II Второго Дополнительного протокола к ней¹. Его смысл заключается в том, что выдача лица по факту совершения преступления, связанного с налогами, сборами, пошлинами и валютными операциями, осуществляется, если такое преступление по законодательству запрашиваемой стороны соответствует преступлению того же характера. Причем, в выдаче не может быть отказано на основании отсутствия в законодательстве запрашиваемой стороны таких же по характеру налогов или сборов либо таких же по характеру касающихся их положений.

¹ Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче (подписан в г. Страсбурге 17.03.1978) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 9. – С. 15 - 18, 35 - 38.

Принцип отказа в выдаче по гуманным соображениям берет свое начало из положений Устава ООН (п. 3 ст.1)¹, которые закрепляют поощрение и развитие уважения к основным правам и свободам человека. Принятая вслед за Уставом в 1948 г. Всеобщая декларация прав человека провозгласила право каждого на жизнь и вытекающий из него запрет на применение пыток, жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство обращений и видов наказания (ст. 3, 5). Данный принцип подтвержден также в: Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.² (ст. 2,3); Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ст.6,7); Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1975 г.³ и др.

В рамках принципа учета гуманных соображений поводом для отказа при решении вопроса о выдаче служит основание полагать, что лицу может угрожать применение пыток. Впервые запрет пыток в контексте основания невыдачи лица в связи с преступлением был предусмотрен в ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.⁴ Она регламентирует, что ни одно государство-участник не должно высылать, возвращать («refouler») или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему там может угрожать применение пыток. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека.

¹ Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 14 - 47.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.

³ Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Принята 09.12.1975 Генеральной Ассамблеей ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. – № 45. – С. 747.

⁴ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (10.12.1984) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLIII. – М., 1989. – С. 115 - 125.

В 1983 г. большинство государств-членов Совета Европы, подписав и ратифицировав Протокол № 6¹, а 2002 г. – Протокол № 13 к Европейской конвенции по правам человека² (РФ в настоящем протоколе не участвует) объявили о своем намерении отказаться от применения смертной казни. Примечательно, что Европейская конвенция о выдаче 1957 г. еще до введения запрета на применение смертной казни устанавливала право запрашиваемого государства отказать в выдаче, если по законодательству требующей стороны за преступление, указанное в запросе о выдаче, предусмотрено наказание в виде смертной казни.

Принцип невозвращения закреплен в Конвенции о статусе беженцев 1951 г.³ Согласно положениям статей 32 и 33 данной Конвенции государства обязуются не высылать законно пребывающих на их территории беженцев в какую-либо страну, а также принудительно возвращать их на границу государства, из которых они прибыли. Исключение из этого принципа может быть сделано лишь по соображениям государственной безопасности или общественного порядка.

Принцип освобождения от ответственности за совершение политического преступления, также как и другие принципы выдачи, уходит корнями в институт прав человека. Согласно ст. 14 Всеобщей декларации прав человека каждый человек имеет право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем.

При подписании Европейской конвенции о выдаче Российская Федерация заявила о том, что российская правовая система не знает понятия «политические преступления». В связи с этим, Россия по своему усмотрению решает вопрос о том, является ли деяние политическим или связанным

¹ Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (ETS №114) (Подписан в г. Страсбурге 28.04.1983) //Российская газета.– 1995, 5 апреля.

² Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах (ETS №187) (Подписан в г. Вильнюс 03.05.2002) // Московский журнал международного права. – 2004. – № 2.

³ Конвенция о статусе беженцев (Вместе с «Комментарием», «Образцом проездного документа») (Заключена в г. Женеве 28.07.1951) //Бюллетень международных договоров.– 1993.–№ 9. – С. 6-28.

с таковым. При решении вопроса о выдаче во всех случаях РФ не признает преступлениями политического характера преступления, указанные в ст. 1 Дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче:

- а) против человечества, предусмотренные Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.;
- б) нарушения Женевских конвенций 1949 г.;
- в) любые сравнимые нарушения законов войны, действующих при вступлении настоящего Протокола в силу, и обычаев войны, существующих на это время, которые еще не предусмотрены положениями Женевских конвенций¹.

Россия, не ограничиваясь указанными деяниями, в качестве исключенных из числа политических, указала следующие деяния:

- а) преступления, предусмотренные в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г.;
- б) правонарушения, предусмотренные в Конвенции о физической защите ядерного материала 1980 г.;
- в) правонарушения, предусмотренные в Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.,
- г) также иные преступления, предусмотренные в многосторонних международных договорах.

Принцип невыдачи собственных граждан впервые был закреплен в соглашении между Францией и Нидерландами 1736 г., где было констатировано, что жители не должны быть оторваны от юрисдикции своих судов².

В настоящее время невыдача собственных граждан установлена конституционным запретом большинства стран мира. Все же, небольшое число государств решили отказаться от директивного предписания и предусмотрели возможность альтернативы, с тем, чтобы вопрос о выдаче в каждом кон-

¹ Распоряжение Президента РФ от 03.09.1996 № 458-рп «О заявлениях и оговорках Российской Федерации при подписании Европейской конвенции о выдаче 1957 года с Дополнительными протоколами 1975 и 1978 годов и Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года с Дополнительным протоколом 1978 года» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 37. – Ст. 4286.

² См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. – С. 234.

кретном случае решать индивидуально исходя из сложившихся обстоятельств. Однако практика показывает, что вопросы выдачи в таких странах также решаются в большинстве своем в пользу отказа. Пункт 11 ст. 16 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.¹ разрешает выдачу своих граждан, но с условием, что назначенное наказание будет отбываться на территории государства гражданства преступника. Европейская конвенция о выдаче норму о выдаче собственных граждан излагает в диспозитивной форме, для того чтобы не идти вразрез с законодательством некоторых государств. Государства, в которых действует запрет, в свою очередь подписали и ратифицировали данную Конвенцию с оговоркой о невыдаче свои граждан.

Таким образом, можно резюмировать, что для института выдачи характерны следующие принципы: принцип неотвратимости наказания; недопустимости двойного инкриминирования; двойной преступности (подсудности); специализации (правило конкретности); экстрадиционности преступления («минимального срока наказания»); ответственность за совершения финансового преступления; принцип взаимности; принцип невозвращения; невыдачи собственных граждан; отказ в выдаче по гуманным соображениям; принцип освобождения от ответственности за совершения политического преступления и принцип истечения срока давности.

Названные принципы являются основными, но поскольку, институт выдачи представляет собой многогранное явление, не имеющее твердо установленных рамок, то он может и не ограничиваться только ими.

¹ Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 2. – С. 3 - 33.

1.3 Основания для выдачи и отказ в выдаче лица, запрашиваемого в связи с преступлением

В науке международного права сложным и дискуссионным является вопрос, касающийся оснований выдачи и возникновения у государств обязательств выдачи. На этот счет имеются две точки зрения. Теория, согласно которой основанием для выдачи является международное право, исходит из того, что обязанность выдачи вытекает не из международного договора, а из солидарности интересов в преследовании того, что вредно для всех государств, то есть преступности. Однако данная теория не учитывает различия в правовых системах государств, т.к. одно и то же деяние, являющееся преступлением в одном государстве, в отдельных случаях, не признается таковым в другом государстве.

На современном этапе более актуальной теорией является концепция «международного договора», подразумевающая отсутствие обязанности государств выдавать лицо, если отсутствует соответствующий международный договор. Она также имеет свои недостатки. Отсутствие договора не является препятствием для осуществления процедуры выдачи, т.к. стороны могут прийти к соглашению о выдаче на основе принципа взаимности, а некоторым странам при отсутствии международного договора с запрашивающим государством для решения вопроса о выдаче достаточно своего национального законодательства (Италия, Франция, РФ, ФРГ и др.). И все же современное международное право развивается как договорное, что подтверждено ст. 38 Статута Международного суда ООН¹, где в качестве источников международного права, в первую очередь, указаны общие и специальные конвенции.

Таким образом, основанием выдачи, преимущественно, служат международные договоры, касающиеся вопросов выдачи между двумя и более государствами. Никто не может навязать государству обязанность выдать преследуемое в связи с преступлением лицо, а также следовать принципу взаим-

¹ Статут Международного Суда (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 47 - 63.

ности. Данная сентенция подтверждается важнейшими многосторонними договорами: Европейской конвенцией о выдаче 1957 г., Межамериканской конвенцией о выдаче 1981 г.¹, Кишиневской конвенцией 1992 г.², Минской конвенцией 1993 г. и др.

В дополнение к вышеперечисленным «специальным» договорам, касающимся вопросов выдачи лиц для уголовного преследования и исполнения наказания, нормы о выдаче могут содержаться в иных договорах. Таковыми являются: Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (ст. 16), Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.³ (ст. 44), Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16 июня 2009 г.⁴ (ст. 11) и др.

Между двумя государствами, которые одновременно являются участниками многостороннего соглашения, а также имеют заключенный между ними двусторонний договор, в случае расхождения правовых норм может возникнуть вопрос о том, положениями какого из договоров необходимо руководствоваться. Поэтому в многосторонних договорах всегда имеется статья, которая содержит нормы о соотношении данной конвенции с другими договорами. Так, ст. 28 Европейской конвенции о выдаче, учитывая подобные обстоятельства, указывает на свое преимущество перед положениями любых двусторонних соглашений.

В юридической литературе, посвященной институту выдачи, в качестве второго основания можно встретить национальные законы. Они достаточно подробно регламентируют право выдачи и ее процедуру, но не обязательство для государства, в котором скрывается «условный» преступник. Во внутри-

¹ Межамериканская конвенция о выдаче (Заключена в г. Каракасе 25.02.1981) // [Treaty Series. Volume 1752. – New York: United Nations. – 2000. – P. 177 - 235.](#)

² Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 2002. – № 2(41). – С. 82 - 130.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии ГА ООН) // Бюллетень международных договоров. – 2006. – №10. – С. 7 - 54.

⁴ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Заключена в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 10. – С. 68 - 82.

государственных актах некоторых стран также зафиксированы преступления, влекущие выдачу. Одни государства (например, Великобритания, США, Нидерланды) практикуют метод перечисления, а другие (Франция, Швеция, Бразилия, Мексика), наоборот, используют метод исключения преступлений, за совершение которых выдача не гарантируется. Национальные законы принимаются при отсутствии международных договоров о выдаче для собственного руководства и представляют основу для их заключения. Они могут служить основанием для обращения с требованием о выдаче лица, но при отсутствии соответствующего договора каждое государство самостоятельно решает вопрос о выдаче, исходя из своих интересов и отношений с запрашиваемой стороной.

Таким образом, выдача осуществляется на основании конвенций, двусторонних договоров и иногда – национальных законов. Следует подчеркнуть, что договорная основа выдачи не распространяется на лиц, совершивших международные преступления. Входящие в их число агрессия, геноцид, преступления против мира, человечества и военные преступления находятся в юрисдикции международных судебных органов. Так, на основании Римского Статута 1998 г.¹ обвиняемые подлежат безусловной выдаче соответственно Международному уголовному суду или иным международным судебным органам – специально созданным трибуналам *ad hoc*, а также гибридным (смешанным) судебным органам.

Еще больший интерес представляют основания для отказа в выдаче. Анализ международных соглашений и изучение научной литературы позволяет сделать вывод о том, что в универсальных многосторонних соглашениях содержатся лишь главные, наиболее распространенные и общепризнанные основания для отказа в выдаче. Причем, они не объединены в общий список, а содержатся в различных статьях данных договоров или выводятся из их по-

¹ Римский статут Международного уголовного суда (Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН; URL:<http://www.un.org/ru/index.html>. (дата обращения 21.04.2018).

ложений. Стоит отметить, что при подписании такого договора стороны имеют право на оговорку в отношении любого положения, в том числе касающегося оснований отказа в выдаче требуемого лица (ст. 26 Европейской Конвенции о выдаче). К тому же, «перечень» оснований в многосторонних договорах не является исчерпывающим и подразумевает возможность быть дополненным в конкретных двусторонних соглашениях между странами.

Тот факт, что основания для невыдачи могут содержаться в конституциях и законах государств с разными правовыми системами говорит о высоком уровне сложности данного вопроса. В связи с этим, при разработке Генеральной Ассамблеей ООН Типового договора о выдаче, была проведена работа не только по систематизации оснований в единый перечень, но и их разделение две группы: императивные и факультативные.

Императивные основания категорически запрещают соответствующим органам выдачу, а диспозитивные (факультативные) оставляют за ними возможность выбора, составляя не обязанность, а право отказать в выдаче. Терминологически это смысловое отличие передается через выражения «выдача не допускается» и «в выдаче может быть отказано»¹.

К императивным основаниям для отказа относятся:

1. Расценивание запрашиваемым государством правонарушения, в отношении которого поступает просьба, в качестве правонарушения политического характера.

Основанием отказа является право на убежище, провозглашенное в ст. 14 Всеобщей декларации прав человека, которое стало общепризнанным².

До сих пор ни в науке, ни в практике нет единого критерия для определения преступлений политического характера. По мнению И.В. Очкасовой, содержащиеся в Главе 29 УК РФ преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, вполне можно отнести к политиче-

¹ Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, В. Н. Орлов и др.; под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2016. - С. 381.

² Очкасова И.В. «Право убежища» как сдерживающий принцип в осуществлении экстрадиции в международных отношениях // Актуальные проблемы российского права. - 2009. - №3. - С. 488.

ским. Это такие составы, как шпионаж, государственная измена, разглашение государственной тайны, насильственный захват власти, вооруженный мятеж, возбуждение национальной, расовой или религиозной войны, и другие¹. Как отмечает Р.М. Валеев, не менее важным является решение вопроса о выдаче или невыдаче преступников, если совершенное ими политическое преступление смешано с общеуголовным².

В Европейской конвенции о выдаче содержится положение о том, что выдача не осуществляется, если требование о выдаче предъявляется с целью преследования или наказания какого-либо лица по соображениям расы, религии, национальности или политических убеждений. Однако она предоставляет возможность исполняющей стране принимать окончательное решение, ориентируясь на свое национальное законодательство, что в свои интересах и используют ее участники. Практика показывает, что это порождает негативные тенденции при международном сотрудничестве, так как указанными ограничениями могут умело пользоваться лица, совершившие тяжкие преступления. Данные лица делают упор на политическом характере совершенных ими правонарушений и, получая политическое убежище, становятся недостижимыми для государств, требующих их выдачу³. Одним из таких дел, получившим широкий общественный резонанс, стало расследование преступлений мошенничества, незаконного предпринимательства и отмывания денежных средств, в совершении которых обвинялся гражданин РФ Б. Березовский. С 20 сентября 2001 г. он был объявлен в розыск, но ссылаясь на факт предоставления ему политического убежища, Великобритания отказала России в требовании о выдаче⁴.

Н.А. Сафаров считает, что опыт развития законодательства показывает, что «государства отнюдь не стремятся выработать какую-либо легальную

¹ См.: Очкасова И.В. Указ. соч. – С. 493.

² Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве (некоторые вопросы теории и практики). – Казань, 1976. – С. 60-61.

³ См.: Очкасова И.В. Указ. соч. – С. 493.

⁴ Горичева В.Л. Левашова О.В. Политический аспект института экстрадиции в постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. – 2007. – №2. – С. 131.

дефиницию, предпочитая оставлять широкое дискреционное поле для органов, полномочных принять окончательное решение по вопросу экстрадиции индивида»¹. Это предоставляет возможность подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления, настаивая на политическом характере деяния, блокировать возможную экстрадицию, апеллируя к институту убежища.

Остальные императивные основания для отказа в выдаче являются менее спорными в доктрине международного права. К ним относятся:

2. У запрашиваемого государства имеются основания полагать, что целью просьбы о выдаче является наказание по признаку расы, пола, вероисповедания, гражданства, этнической принадлежности, статуса или, что положению такого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин.

3. Если в запрашиваемом государстве лицу вынесен окончательный приговор за правонарушение, в отношении которого поступает просьба о выдаче данного лица. Настоящее основание не вызывает проблем ни в научном сообществе, ни на практике, так как оно вытекает из принципа «non bis in idem».

4. Приобретение в соответствии с законодательством той или иной стороны лицом, в отношении которого поступает просьба о выдаче, иммунитета от судебного преследования или наказания по какой-либо причине, включая истечение срока давности или амнистию. Причем, к этому положению в Типовом Договоре имеется оговорка о том, что некоторые страны могут сделать данное основание факультативным.

Под давностью понимается установленный законом срок, по истечении которого лицо, совершившее преступление освобождается от уголовной ответственности или отбывания наказания, если обвинительный приговор суда не был приведен в исполнение.

В соответствии с п. 3 ч.1 ст. 24 УПК РФ истечение срока давности уголовного преследования является основанием для отказа в возбуждении уго-

¹ Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 110.

ловного дела или прекращения уголовного дела. Очевидно, что без факта возбуждения уголовного дела не будет основания для предъявления требования о выдаче.

До принятия в 2012 г. Четвертого дополнительного протокола нормы об отказе в выдаче по причине истечения срока давности, содержащиеся в ст. 10 Европейской конвенции и п. «е» ст. 3 Типового договора, были аналогичны. Однако подписание вышеуказанного протокола повлекло замену ст.10 Конвенции. Если ранее выдача не осуществлялась на том основании, что истек срок давности по законодательству любой из сторон, то на данный момент учитывается лишь законодательство запрашивающей стороны. Так, в удовлетворении запроса о выдаче не может быть отказа на основании, что требуемое лицо в соответствии с законодательством запрашиваемой Стороны не будет подвергнуто преследованию или наказанию в связи с истечением срока давности. Однако государства сохраняют за собой право не применять данное положения если:

- а) если запрос о выдаче направлен в связи с совершением преступления, в отношении которого это государство само обладает юрисдикцией в соответствии со своим уголовным законодательством;
- б) если законодательством данного государства прямо установлено недопущение выдачи, если требуемое лицо в соответствии с законодательством этого государства не будет подвергнуто преследованию или наказанию в связи с истечением срока давности.

Такой возможностью и воспользовалась Россия при ратификации Четвертого протокола¹.

Еще одним основанием для отказа является амнистия. Изначально Европейская конвенция о выдаче не содержала такого основания для отказа в выдаче как амнистия. Это связано с тем, что институт амнистии есть в законодательстве не всех государств. Он отсутствует в странах англо-саксонской

¹ Федеральный закон от 07.03.2017 № 23-ФЗ «О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче» // Российская газета. – 2017. – № 50, 10 марта.

правовой семьи и даже в некоторых странах романо-германской правовой семьи, например, в Германии, Испании, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Эстонии. Неодинакова и сфера его применения в различных государствах¹.

В 1978 г. был принят Второй Дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче, который дополнил Конвенцию положением об амнистии. В нем было указано, что выдача не производится в случае преступления, в отношении которого в запрашиваемом государстве была объявлена амнистия, и по которому это государство обладало компетенцией возбуждать уголовное преследование согласно собственному уголовному закону.

Выдаче не подлежат и отдельные категории лиц, которые обладают иммунитетом от уголовного преследования, что служит дополнительным гарантом их независимости при осуществлении возложенных на них полномочий. В общем виде основные группы иммунитетов следующие:

1. Дипломатический иммунитет. Им обладают дипломатические агенты (главы представительств и члены дипломатического персонала представительств) и подобные им лица в соответствии с Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. (ст. 29, 31)². Иммунитет освобождает от уголовной юрисдикции государства пребывания, т.е. дипломатические агенты неподсудны местному суду по всем видам преступлений, независимо от того, действовали ли они при исполнении служебных обязанностей или в качестве частного лица. Однако иммунитет дипломатического агента от уголовного преследования в государстве пребывания не освобождает его от юрисдикции аккредитующего государства.

2. Служебный иммунитет. Им обладают определенные категории лиц (например, должностные лица международных организаций, консульские должностные лица³). Они изъяты из юрисдикции государства пребывания, но только в отношении действий, совершенных при исполнении служебных

¹ Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. М., 2009. – С. 401-402.

² Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Ведомости ВС СССР. – 1964. – № 18. – Ст. 221.

³ Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. – М., 1991. – С. 124 - 147.

обязанностей. В большинстве государств действует неприкосновенность в отношении главы государства, депутатов парламента, членов правительства, судей и иных высших должностных лиц государства¹.

5. Основанием для отказа в выдаче является также запрос государства в связи с воинским преступлением, которое не является таковым согласно обычному уголовному праву.

6. Лицо было подвергнуто в запрашиваемом государстве пыткам, жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания и не обладало правом на минимальные гарантии в процессе уголовного разбирательства (предусмотренные в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах), а также, если имеются основания полагать, что возможно такое «поведение» со стороны запрашиваемого государства в будущем.

7. Если судебное решение было вынесено в отсутствие обвиняемого (заочно), и лицо не имело возможности для обеспечения его защиты, не имело и не будет иметь возможности для проведения повторного слушания дела в его присутствии.

В Типовом договоре закреплено, что стороны по своему усмотрению могут добавить к обязательным основаниям для отказа отсутствие достаточных доказательств виновности лица.

В качестве примера отказа в выдаче в виду недостаточности доказательственной базы, а также по мотиву политичности вменяемых лицу преступлений, можно привести дело А. Закаева – бригадного генерала непризнанной Чеченской Республики Ичкерия. В 2001 г. Генеральной прокуратурой РФ А. Закаев был объявлен в международный розыск по обвинению по 11 статьям УК РФ: организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, терроризм (обвинение в причастности к терактам 1996-1999 гг., а также в подготовке теракта в театральном центре на Дубровке в Москве в сентябре 2002 г.), посягательство на жизнь сотрудников правоохра-

¹ См.: Наумов А.В., Кибальник А.Г. Указ. соч. – С. 391-395.

нительных органов, вооруженный мятеж, убийство и др. В октябре 2002 г. А. Закаев был задержан в Дании по требованию РФ об экстрадиции, однако Дания приняла решение об отказе в выдаче по причине непредставления российской стороной достаточных доказательств его вины в совершении указанных преступлений. В декабре того же года А. Закаев был задержан в Великобритании на основании требования РФ о выдаче, но был выпущен под залог без права покидать территорию страны. Лондонский магистратский суд, рассмотрев предоставленные доказательства, посчитал их сфабрированными и недостаточными для подтверждения виновности лица. Им было вынесено решение об отказе в выдаче, мотивированное преследованием РФ А. Закаева на основании определенных политических взглядов. МВД Великобритании своим решением предоставило ему политическое убежище.

Факультативные основания для отказа в выдаче, характеризуются тем, что могут, как включаться в текст договора, так и не включаться в зависимости от достигнутых между сторонами договоренностей. Если они были положены в основу договора, то сторона имеет право сослаться на них и отказать в выдаче лица, а может и удовлетворить поступивший к ней запрос. Основными видами являются следующие:

1. Если лицо, в отношении которого поступает просьба о выдаче, является гражданином запрашиваемого государства. Россия входит в число государств, которые не допускают выдачу собственных граждан. Такой категоричный запрет установлен ч. 1 ст. 61 Конституции РФ и п. 1 ч. 1 ст. 464 УПК РФ. Россия также ратифицировала Европейскую конвенцию о выдаче с оговоркой, указав, что согласно ее Конституции, российский гражданин не может быть выдан другому государству.

В качестве примера отказа в выдаче по данному основанию можно привести дело А. Лугового – гражданина РФ, подозреваемого в убийстве гражданина Великобритании А. Литвиненко. Сославшись на конституционный запрет о невыдаче собственных граждан, Россия отказала в его выдаче. Вместе с тем, РФ не предприняла попыток расследования дела А. Лугового,

поскольку, как депутат Государственной Думы РФ, он обладал неприкосновенностью¹.

Позиции невыдачи собственных граждан придерживается большинство стран, в основном это государства континентальной системы права (Португалия, Болгария, Турция и др.). Нужно иметь в виду, что выдача собственных граждан допускается в некоторых странах, таких как Канада, Албания, Великобритания, Колумбия, Мальта, США, Чили и др.² Это страны, в которых исторически сложилась традиция следовать закону домицилия (предпочтение территориального принципа другим юрисдикционным критериям). Согласно данному принципу только суд государства места совершения преступления вправе осуществить правосудие над лицом, совершившим это преступление. В результате даже собственный гражданин выдается иностранному государству, на территории которого имело место преступление. Однако, совершив преступление за рубежом и вернувшись на родину, он может остаться безнаказанным³.

2. Решение компетентных органов запрашиваемого государства не возбуждать либо прекратить судебное преследование лица.

3. За совершение преступления, в котором подозревается или обвиняется лицо, предусмотрено наказание в виде смертной казни в соответствии с законодательством запрашивающего государства. Однако выдача возможна при условии, что государство предоставит достаточные гарантии, что смертный приговор не будет вынесен, а при его вынесении не будет приведен в исполнение. Типовой договор о выдаче содержит положение о том, что некоторые страны по желанию могут применить аналогичное ограничение в отношении приговора о пожизненном или бессрочном тюремном заключении.

Примером отказа по мотиву наказания в виде смертной казни является дело Мистера Мохаммеда, гражданина Танзании, обвиняемого в бомбежке посольства США. Скрываясь в Южной Америке, он не был выдан властям

¹ См.: Горичева В.Л. Левашова О.В. Указ. соч. – С. 131.

² Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. – М., 2009. – С. 133.

³ См.: Наумов А.В., Кибальник А.Г. Указ. соч. – С. 381-382.

Танзании ввиду не предоставления гарантий неприменения к нему смертной казни¹.

4. Отказ в выдаче по соображениям гуманности ввиду возраста, состояния здоровья и других личных обстоятельств запрашиваемого лица.

Данное основание для отказа в выдаче не предусмотрено Европейской конвенцией о выдаче, поэтому при ее подписании и ратификации РФ внесла оговорку о праве на отказ в выдаче, если имеются основания полагать, что выдача лица может повлечь для него серьезные осложнения по причине его преклонного возраста или состояния здоровья.

5. Если судебное преследование в отношении правонарушения, в связи с которым поступает просьба о выдаче, будет возбуждено в запрашиваемом государстве против лица, выдача которого испрашивается.

6. Если правонарушение, в отношении которого поступает просьба о выдаче, совершается за пределами территории одной из Сторон и в законодательстве запрашиваемого государства не предусмотрена юрисдикция в отношении такого правонарушения, совершенного за пределами его территории в сопоставимых обстоятельствах.

7. Если в соответствии с законодательством запрашиваемого государства правонарушение считается совершенным в его пределах.

Отказ в выдаче на основании закона места совершения правонарушения (*lex loci delicti commissi*) имеет место в следующих случаях, когда преступное деяние:

- 1) полностью осуществлено на территории запрашиваемого государства;
- 2) начато на территории запрашиваемого государства, хотя и завершено за его пределами;
- 3) начато на территории иной страны, а завершено на территории запрашиваемого государства;

¹ Арямов А.А. Чигак А.А. Институт экстрадиции в международном праве // Публичное и частное право. – 2017. – № I. – С. 102-103.

4) целиком осуществлено на территории запрашивающего государства, а результат наступил или должен наступить на территории запрашиваемого государства¹.

8. Если в отношении запрашиваемого лица уже вынесен приговор, оно будет подвергнуто судебному преследованию либо ему вынесен приговор в запрашивающем государстве чрезвычайным, специальным судом или трибуналом.

Отметим, что не все основания для отказа предусмотрены Типовым договором о выдаче. Так, А.В. Наумов выделяет такую категорию оснований для отказа как невыдача на основании оговорки о публичном порядке (*ordre public*), означающей, невозможность выдачи по причине явных противоречий ее последствий основам правопорядка этого государства. Так, в Федеральном законе «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней» 1999 г. говорится, что РФ оставляет за собой право не выдавать лиц, выдача которых может нанести ущерб ее суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенно важным интересам². Следовательно, стороны могут не ограничиваться общепризнанными основаниями, а реализовать право на оговорку, предусмотренное конвенциями, либо непосредственно включить в перечень оснований двустороннего договора необходимое условие невыдачи.

Таким образом, к основным императивным основаниям для отказа в выдаче относятся: политический характер преступления; преследование по дискриминационным признакам; соблюдение принципа «*non bis in idem*»; иммунитет от судебного преследования или наказания, в том числе истечение срока давности и амнистия; обвинение в совершении военного преступления; решение было вынесено в отсутствие обвиняемого, который не имел и не будет иметь возможности для проведения повторного слушания дела в его присутствии; лицо было или возможно будет подвергнуто пыткам, жестоким или

¹ См.: Наумов А. В., Кибальник А. Г. Указ. соч. – С. 395-396.

² Федеральный закон от 25.10.1999 №190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней» // Российская газета. – 1999. – № 214, 28 октября.

унижающим достоинство видам обращения или наказания, а также несоблюдение прав человека на минимальные гарантии в процессе уголовного разбирательства; отсутствие достаточных доказательств виновности лица.

К факультативным основаниям для отказа относятся: гражданство запрашиваемого государства; решение компетентных органов запрашиваемого государства не возбуждать либо прекратить судебное преследование лица; возможность применения к выдаваемому лицу наказания в виде смертной казни; соображения гуманности (возраст, состояния здоровья и др. обстоятельства); закона места совершения правонарушения; последствия выдачи могут нанести ущерб ее суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенно важным интересам государства и др.

ГЛАВА 2. Институт выдачи в Российской Федерации

2.1. Институт выдачи в России: проблемы законодательства и правоприменительной практики

Поскольку регулятивные возможности международных договоров о выдаче, носят ограниченный характер и не предусматривают детализацию процедур, международное сотрудничество не может осуществляться только на их основе¹. Поэтому в самих договорах заложены процедуры их реализации посредством применения национального уголовно-процессуального законодательства. Для успешного международного сотрудничества необходимо не только совершенствование международных норм, но и реформирование, и сближение национального законодательства различных государств с учетом общепризнанных принципов и стандартов.

Необходимо отметить, что во многих государствах приняты отдельные законы, регламентирующие вопросы выдачи. Такой закон имела и дореволюционная Россия. К.С. Родионов считает, что закон «О выдаче преступников по требованию иностранных государств» 1911 г. соответствует даже современной экстрадиционной практике². На сегодняшний момент в Российской Федерации специального закона о выдаче нет. Этот институт не кодифицирован и нормы о выдаче сосредоточены в ряде законодательных актов: в Конституции (ст. 61, 63), УК (ст. 13) и УПК РФ (Глава 54).

Некоторые авторы, в частности профессор Р.В. Нигматуллин, считает вполне оправданным принятие Федерального закона «О выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора и передачи лица, осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в стране, гражданином которой он является», ибо это соответствует международным стандартам и современным реалиям. Принятие нового закона, по его мнению, явилось бы вкладом России в разработку Всеобщей конвенции ООН о выдаче,

¹ Волженкина В.М. Международное сотрудничество в сфере уголовной юстиции. – СПб., 1998. – С. 20.

² Родионов К.С. Закон Российской империи 1911 г. об экстрадиции // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 91.

способствовало бы унификации национальных законодательств в этой сфере и обеспечило бы неотвратимость наказания¹.

В научных трудах, посвященных институту выдачи, присутствует и противоположная точка зрения. Ее сторонники аргументируют свою позицию тем, что нормы о выдаче сконцентрированы в Главе 54 УПК РФ, и лишь небольшая часть норм о выдаче содержится в иных законодательных и судебных актах. В связи с этим, нет необходимости принимать специальный закон, а нормы о выдаче следует развивать в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Действительно, сегодня нормы о выдаче, в большей степени, содержатся в УПК РФ, а также в постановлении Пленума Верховного Суда от 14 июня 2012 г. «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»². Поэтому для решения вопроса о том, в каком русле необходимо совершенствовать институт выдачи, следует проанализировать практику реализации соответствующих норм с тем, чтобы понять, возможно ли решение возникающих на практике проблем в рамках действующего законодательства.

В целях решения данного вопроса важно рассмотреть и проанализировать деятельность уполномоченного органа по вопросам выдачи. Так, согласно ст. 2 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»³ международное сотрудничество и взаимодействие с органами прокуратуры, иными компетентными органами зарубежных стран и международными организациями относится к числу функций Генеральной прокуратуры РФ. Такая деятельность включает участие в разработке международных договоров РФ, подготовку и

¹ Нигматуллин Р.В. Правовая политика современного государства в сфере борьбы с международной преступностью // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 3 (33). – С. 29.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 8.

³ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 18.04.2018) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – № 39, 18 февраля.

заключение соглашений по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью. Следует уточнить, что международное сотрудничество осуществляется исключительно Генеральной прокуратурой РФ, а иные прокуроры участвуют в нем через Генеральную прокуратуру РФ, если иной порядок прямо не установлен международными договорами и законодательством РФ¹.

Для обеспечения такого приоритетного направления деятельности Генеральной прокуратуры РФ как международное сотрудничество, в 2006 г. на основании приказа Генпрокурора было создано Главное управление международно-правового сотрудничества². Одним из его структурных подразделений стало Управление экстрадиции, принявшее на себя обязательство по выполнению целого ряда функций, среди которых:

1. проверка запросов о выдаче, поступивших от иностранных государств, на соответствие требованиям международных договоров и законодательству РФ;
2. подготовка и направление в зарубежные государства запросов о выдаче лиц по делам, находящимся в производстве компетентных органов Российской Федерации;
3. дача поручений прокурорам субъектов РФ об избрании мер пресечения в отношении лиц, подлежащих выдаче иностранному государству;
4. принятие необходимых мер к установлению гражданской принадлежности лиц, в отношении которых рассматривается вопрос о выдаче в другое государство. Взаимодействие по данному вопросу с МВД, МИД, ФСБ России и иными федеральными органами государственной власти, направление в связи с этим соответствующих поручений в прокуратуры субъектов РФ и другие правоохранительные органы;

¹ Жидких А.А. Участие российской прокуратуры в правовом обеспечении международного сотрудничества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10 (48). – С. 76.

² Положение о Главном управлении международно-правового сотрудничества (утв. Генпрокуратурой России 15.02.2007) [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-сайт Генеральной прокуратуры РФ; URL: <http://genproc.gov.ru/> (дата обращения 25.04.2018).

5. истребование от органов прокуратуры РФ заключений о законности и обоснованности вынесенных российскими правоохранительными органами процессуальных решений в отношении запрашиваемых лиц, а также заключений о достаточности доказательств по уголовным делам;
6. подготовка решения по вопросу о выдаче лица для привлечения к уголовной ответственности либо исполнения приговора, а также о передачи лиц, совершивших общественно опасные деяния, для дальнейшего прохождения принудительного лечения в медицинских учреждениях иностранных государств;
7. контроль за исполнением компетентными органами иностранных государств требований международных договоров в отношении выданных Российской Федерацией лиц;
8. направление в МВД и ФСБ России информации о необходимости проведения розыскных мероприятий и задержании лиц, в отношении которых в Генеральную прокуратуру Российской Федерации поступили запросы компетентных органов иностранных государств о выдаче;
9. Рассмотрение запросов Национального центрального бюро Интерпола при МВД России о возможности объявления лиц в международный розыск;
10. Рассмотрение обращений Уполномоченного РФ при Европейском Суде по правам человека по вопросам, относящимся к компетенции управления.

Вышеуказанный перечень функций, который может быть расширен, реализуется входящими в Управление экстрадиции четыремя отделами. Первые два отдела рассматривают запросы компетентных органов иностранных государств о выдаче из России лиц для привлечения к уголовной ответственности либо исполнения приговора. Третий отдел занимается вопросами выдачи лиц из иностранных государств по требованию РФ. В обязанности Четвертого отдела входит рассмотрение вопросов, связанных с: 1) передачей лиц, совершивших общественно опасные деяния, для прохождения принудительного медицинского лечения; 2) методико-аналитической рабо-

той по вопросам международного (межгосударственного) розыска и экстрадиции.

Ученые отмечают, что Россия в последние годы активизировала международную деятельность в сфере уголовной юстиции, что способствует поиску новых механизмов реализации и повышения эффективности уже накопленных стандартов в данной сфере¹. На сегодняшний момент РФ является участницей порядка 300 международных договоров в этой области.

Заместитель Генерального прокурора России С.А. Карапетян, подводя итоги за 2012 - 2016 гг., отметил активное сотрудничество России с иностранными государствами в вопросах выдачи. Так, Генпрокуратурой РФ в компетентные органы иностранных государств было направлено около 2 тысяч запросов о выдаче, из которых свыше 900 были удовлетворены. В частности, РФ удалось добиться выдачи ряда лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе убийств, преступлений террористической и коррупционной направленности².

В качестве примера, можно привести удовлетворение Испанией запроса России в выдаче директора клуба «Хромая лошадь» в городе Пермь, в котором из-за нарушения правил пожарной безопасности произошел пожар, в результате чего погибло более ста человек. Республика Кипр удовлетворила запрос РФ о выдаче гражданина США, который обвинялся в похищении из бюджета Московской области денежных средств в размере более 1 млрд. рублей, а также осужденной за хищение у компании «Томск-нефть» денежных средств в размере более 8 млрд. рублей, запрос на выдачу которой рассматривался властями Кипра на протяжении пяти лет. По требованию Российской Федерации Италией в 2016 г. был выдан бывший руководитель, на сегодняшний день упраздненного, Федерального агентства по обустройству государственной границы РФ, проходивший обвиняемым по делу о хищении

¹ Быкова Е.В. Роль российской прокуратуры в международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 11. – С. 59.

² Карапетян С.А. Участие прокуратуры Российской Федерации в международно-правовом сотрудничестве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2017. – № 1 (57). – С. 25.

денежных средств на сумму более 1 млрд. 175 млн. рублей. Для привлечения к уголовной ответственности обвиняемого в хищении мошенническим путем имущества (более 4 тысяч российских граждан) Россией был направлен запрос о выдаче в Марокко, чьи уполномоченные органы приняли положительное для РФ решение. Швейцарией был удовлетворен запрос РФ о выдаче в отношении обвиняемого, являющегося бывшим первым заместителем генерального директора, председателем совета директоров ОАО «Амурский судостроительный завод» в хищении бюджетных средств свыше 74,5 млн. рублей, а Австрия выдала обвиняемого в хищении денежных средств ОАО «Финанс-Лизинг» в размере 253 млн. рублей. Республика Ирак, впервые за последние 10 лет, удовлетворила требование о выдаче гражданина России, который в составе преступной группы организовал сбыт наркотических средств на территории Краснодарского края¹.

Следует отметить и тот факт, что расширяется география сотрудничества России в сфере выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения наказания. Все чаще преступники пытаются скрыться от правосудия в государствах, с которыми у России нет договоров о выдаче. Несмотря на это, в 2012-2016 гг. с некоторыми из таких стран, в частности Чили, Ганой, Камбоджей, Парагваем, ОАЭ, Таиландом успешно решались вопросы выдачи России разыскиваемых лиц. Так, в результате налаженного двустороннего взаимодействия компетентные органы Таиланда на основании российских запросов о выдаче рассматривают вопрос о нарушении этими лицами иммиграционного законодательства Таиланда и при наличии таких нарушений депортируют их в Россию. На основе принципа взаимности Таиланд выдал 41 запрашиваемое Россией лицо. В свою очередь, Генеральная прокуратура РФ за указанный период удовлетворила запросы иностранных государств о выдаче в отношении 5 тысяч лиц².

¹ См.: Карапетян С.А. Указ. соч. – С. 25.

² Там же.

На основе приведенных заместителем Генпрокурора показателей, можно сделать вывод о том, что практика выдачи достаточно интенсивна и обширна. Развитию данного института способствуют происходящие в мире глобализационные процессы, миграция населения и рост транснациональной преступности. Как следствие, возрастает и количество международных договоров Российской Федерации, направленных на достижение указанных целей.

Несмотря на значительную работу по совершенствованию нормативной базы в данной области, в ходе реализации процедуры выдачи возникает ряд проблем. По мнению Е.В. Быковой, громоздкий и излишне формализованный порядок прохождения запросов приводит к длительности процедур выдачи, затягиванию ее судебными органами запрашиваемого государства, а иногда и вообще отказ в выдаче. Проблемы, возникающие в правоприменительной практике, также вытекают из нечеткости положений национального законодательства, его несоответствия в полной мере потребностям времени¹.

В ряде решений Европейского Суда по правам человека отмечаются существенные отрицательные моменты российского законодательства, влекущие нарушение прав лиц, в отношении которых в России ведется процедура выдачи, обеспечиваемых Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. В первую очередь это касается вопросов избрания и дальнейшего содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче другому государству, так как процедура выдачи непосредственно затрагивает основные права человека. Приведенные ниже решения Европейского Суда вскрыли острые проблемы применения норм о выдаче, которые до последнего времени не были решены в уголовно-процессуальном праве РФ².

Так, в Постановлении Европейского суда по правам человека от 11 октября 2007 г. по делу Х. Насруллоев против РФ отмечено, что последний «содержался под стражей в течение неопределенного срока на основании

¹ См.: Быкова Е.В. Указ. соч. – С. 60.

² Вениаминов А.Г. Практика Европейского Суда по правам человека по вопросам содержания под стражей лиц, подлежащих экстрадиции // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – №3. – С. 313.

первоначального решения о заключении под стражу от 21 августа 2003 г. Европейский Суд отмечает несогласованность в толковании властями страны российского законодательства, касающегося лиц, находящихся под стражей в ожидании выдачи, и заключает, что его положения не были четкими или предсказуемыми. Таким образом, они не соответствовали установленному Конвенцией стандарту «качества закона», и содержание заявителя под стражей должно быть признано незаконным» (п. 72-78)¹.

«Статьи 108 и 109 УПК, регулирующие пересмотр судом решений о заключении под стражу, предусматривают, что прокурор обязан ходатайствовать перед судом о продлении меры пресечения и что лицо, заключенное под стражу, может принимать участие в разбирательстве, приводя доводы в пользу своего освобождения. Однако формулировки закона не предусматривают возможность возбуждения такого разбирательства по инициативе лица, содержащегося под стражей. Ходатайство прокурора о продлении меры пресечения является необходимым условием для начала такого разбирательства. В настоящем деле судебный пересмотр решения о заключении под стражу был инициирован только один раз в течение трех лет содержания заявителя под стражей. Таким образом, во время содержания под стражей заявитель не имел в своем распоряжении процедуры, с помощью которой он мог бы обжаловать в суд незаконность лишения свободы» (п. 88).

В отмеченном постановлении Европейского Суда по правам человека имеется прямое указание на недопустимость содержания лица под стражей без необходимой процедуры продления соответствующего срока. В данном случае неприменение в отношении Х. Насруллоева ст. 109 УПК РФ повлекло необоснованное содержание его под стражей в течение длительного срока до принятия решения о его выдаче. Кроме того, прокурор, не обратившись в суд с ходатайством о продлении срока содержания Х. Насруллоева под стражей, фактически лишил последнего права на судебную проверку законности его ареста и дальнейшего пребывания под стражей. Указанные нарушения, по

¹ Nasrulloev v. Russia. Жалоба № 656/06 // Российская хроника Европейского Суда. – 2008. – № 3.

мнению Европейского Суда, свидетельствуют о низком качестве российского уголовно-процессуального закона с точки зрения обеспечения основных прав и свобод человека.

В то же время Конституционный Суд РФ указывал, что положения ст. 466 УПК РФ действуют в неразрывной связи с положениями гл. 13 УПК, которая включает в себя ст. 108 и 109, выполнение требований которых обязательно по смыслу закона. Невыполнение этих требований в деле Х. Насруллоева повлекло невыгодное для России с юридической, экономической, политической и нравственной точек зрения решения Европейского Суда по правам человека.

Еще одним подтверждением несовершенства российского законодательства в области правового регулирования выдачи явилось Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 июня 2008 г. по делу А.И. Рябикин против РФ¹. В данном Постановлении также обращено внимание на недопустимость бессрочного содержания под стражей лица, в отношении которого ведется процедура выдачи; «На протяжении всего времени содержания Рябикина под стражей российской правоохранительной системе не удалось определить компетентный орган, ответственный за санкционирование заключения, указать применимые правовые нормы и определить сроки такого задержания. Например, 26 мая и 3 июня 2004 г. Куйбышевский районный суд направил жалобу заявителя по поводу его незаконного задержания в прокуратуру Санкт-Петербурга. 25 мая 2004 г. Генпрокуратура признала в письме на имя адвоката заявителя, что «вопрос о продлении заключения задержанного лица» для целей выдачи не рассматривается в российском законодательстве. 12 июля 2004 г. Смольнинский районный суд проинформировал заявителя о том, что он должен связываться с Генеральной прокуратурой по всем вопросам, связанным с его содержанием под стражей в ожидании выдачи. 18 августа 2004 г. Дзержинский районный суд выразил мнение о том, что положения УПК были неприменимы к случаю заявителя, и посоветовал ему

¹ Ryabikin v. Russia. Жалоба №8320/04 // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 1.

обжаловать действия соответствующих должностных лиц в рамках гражданского судопроизводства. 16 февраля 2005 г. Калининский районный суд постановил, что дело должно быть передано в Куйбышевский районный суд. Наконец, 14 марта 2005 г. Куйбышевский районный суд вынес решение, что в российском законодательстве нет положений, регулирующих продление содержания под стражей лиц, находящихся в положении заявителя. Он был освобожден с прямой ссылкой на ст. 5 Конвенции...» (п. 129); «Соответствующее внутренне законодательство не сумело защитить Рябикина от произвола. Вследствие этого его задержание нельзя рассматривать законным» (п. 130)¹.

Анализ указанных положений показывает, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве виден очевидный пробел, связанный с отсутствием правовых норм, касающихся процедуры продления срока содержания под стражей лица, подлежащего выдаче. Российская правоприменительная система не смогла в должной мере адаптироваться к взятым Россией международным обязательствам по обеспечению общепризнанных прав и свобод человека, а также гарантий к их обеспечению, среди которых – право на недопустимость содержания под стражей без судебного решения. Так, российские суды не нашли иных оснований для освобождения А.И. Рябикина из-под стражи, кроме как напрямую применить ст. 5 Европейской Конвенции, мотивируя данное решение отсутствием в законе иных оснований для последующего содержания его под стражей, при этом ранее признавая его содержание под стражей законным.

По мнению А.Г. Вениаминова, данный юридический нонсенс объясняется отсутствием в гл. 54 УПК РФ прямой правовой нормы, которая регулировала бы процедуру продления срока содержания лица, подлежащего выдаче, под стражей на период времени, пока решение об его выдаче не будет принято Генпрокуратурой РФ. По-видимому, отечественный законодатель предусматривал, что решение о выдаче принимается в разумный срок, который не должен превышать двухмесячный срок содержания лица по стражей, уста-

¹ Ryabikin v. Russia. Жалоба №8320/04 // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 1.

новленный ст. 109 УПК РФ, что не предполагало бы процедуру продления такого срока, как в случае производства по уголовным делам в общем порядке. Названная выше позиция Конституционного Суда РФ, указывающая на неразрывную связь положений гл. 14 и 54 УПК РФ, не дала российскому правоприменителю четкого правового понимания на предмет регулирования процедуры продления срока содержания под стражей до принятия решения о его выдаче¹.

В постановлении Европейского Суда по правам человека также отмечается, что А.И. Рябикину не было предоставлено правовых гарантий, обеспечивающих судебную проверку законности содержания его под стражей. Суд указал, что «необходимо, чтобы у человека был доступ к средствам правовой защиты во время его задержания с тем, чтобы он мог добиться быстрого судебного рассмотрения законности своего задержания, которое может способствовать, в случае необходимости, его освобождению...» (п. 137); «затянувшийся отказ внутренних судов рассмотреть жалобы А.И. Рябикина на законность и соответствие Конвенции содержания его под стражей, свидетельствует о том, что восстановление нарушенных прав, на которое ссылается правительство, не было предоставлено» (п. 136).

Оценивая вышеизложенное, следует констатировать наличие недостатков в российском институте выдачи. Недопустимой является ситуация, когда лицо, длительное время содержащееся под стражей, к тому же без судебной процедуры продления, не может в полной мере обжаловать в судебном порядке законность своего ареста. Положение дел, при котором один и тот же судебный орган вначале указывает на свою некомпетентность рассматривать вопрос о законности и обоснованности содержания лица под стражей, а впоследствии по прошествии определенного периода времени принимает решение об его освобождении, является, по международным оценкам, несоответствующим «качеству закона». По мнению А.Г. Вениаминова, корнем проблемы является недостаточно четкая процедура обжалования решений, кото-

¹ См.: Вениаминов А.Г. Указ. соч. – С. 315-316.

рые так или иначе затрагивают конституционные права лиц, в отношении которых ведется процедура выдачи. УПК РФ предусматривает лишь возможность обжалования окончательного решения о выдаче иностранному государству, в то время как права обжалования иных решения, до принятия такого итогового решения, у соответствующего лица в законе не предусмотрено.

В сложившейся ситуации правоприменительные органы, руководствуясь напрямую гл. 54 УПК РФ, неоднократно отказывали А.И. Рябикину в рассмотрении жалобы на законность его содержания под стражей, мотивируя свои решения тем, что в отношении него не расследуется уголовное дело, а ведется процедура выдачи. В итоге, принимая решение об освобождении из под стражи А.И. Рябикина, российский суд обосновал свое решение лишь принципом международного права, а не нормой российского законодательства, что также является, с точки зрения Европейского Суда, недопустимым.

Аналогичная ситуация, которую рассмотрел Европейский Суд по правам человека, содержалась в деле *Исмоилов и другие против России*¹. По истечению санкционированного периода содержания под стражей, обвиняемые в совершении преступления потребовали своего освобождения. Однако национальные суды решили, что ст. 109 УПК РФ неприменима в их ситуации и что национальное право не содержит никаких ограничений по времени применительно к содержанию под стражей до решения вопроса о выдаче и никакой процедуры для его продления. Несмотря на это, 2 и 5 марта 2007 г. те же суды постановили, что заявители должны быть освобождены со ссылкой на ст. 109 УПК РФ, которая должна применяться в связи с содержанием под стражей лиц, подлежащих выдаче, и истек максимальный срок содержания под стражей в 18 месяцев, установленный данной статьей. Таким образом, в отличие от дела Рябикина, основанием для освобождения лица из-под стражи послужило прямое применение конкретной нормы российского, а не международного права. Непонятным остается и тот факт, что в деле *Исмоилова и др.* органами прокуратуры РФ не возбуждалось в порядке ст. 109 УПК РФ

¹ *Ismoilov and others v. Russia*. Жалоба №2947/06//Российская хроника Европейского Суда.–2009.–№ 2.

ходатайств перед судом о продлении срока содержания этих лиц под стражей в течение 18-месячного срока, в результате чего в указанный период Исмоилов и др. были незаконно лишены свободы.

Европейский суд в своем постановлении от 24 апреля 2008 г. указал также на «противоречивые решения национальных судов по вопросу о том, каким способом судебного контроля предписано следовать лицам, содержащимся под стражей до решения вопроса о выдаче. Так, 24 августа 2004 г. Ивановский областной суд постановил, что ходатайства заявителей об освобождении из-под стражи подлежат рассмотрению не в рамках уголовного судопроизводства, а в рамках гражданского судопроизводства. Вместе с тем, 12 и 19 мая 2007 г. тот же суд оставил в силе в кассационном порядке диаметрально противоположное решение от 22 января 2007 г., указывающее на то, что ходатайства об освобождении должны быть рассмотрены в уголовно-процессуальном, а не гражданско-процессуальном порядке. Суд делает вывод о том, что заявители попали в замкнутый круг, когда ни один национальный суд не был в состоянии проконтролировать предполагаемую незаконность их содержания под стражей (п. 147); «Суд отмечает, что ст.125 УПК РФ устанавливает принципиальную возможность судебного рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения прав и свобод, включая конституционное право на свободу. Это положение предоставляет право подать такую жалобу «участникам уголовного судопроизводства». Российские власти последовательно отказывались признать заявителей участниками уголовного судопроизводства, так как против них в России не возбуждалось уголовное дело. Очевидно, что это положение свело на нет их возможность обжаловать в судебном порядке законность их содержания под стражей» (п. 150)¹.

В постановлении от 12 июня 2008 г. по делу Щебет против России² Европейский Суд указал следующее: «С. Щебет, гражданка Белоруссии, была

¹ Ismoilov and others v. Russia. Жалоба №2947/06 // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 2.

² Shchebet v. Russia. Жалоба № 16074/07 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 5.

задержана 20 февраля 2007 г. по прибытии в аэропорт Домодедово (Россия) с целью ее выдачи в Белоруссию для привлечения к уголовной ответственности за торговлю людьми. На основании постановления об объявлении С. Щebet в международный розыск, представленного правоохранительными органами Республики Беларусь по факсимильной связи, последняя была помещена в камеру предварительного заключения, где содержалась в течение 34 дней без судебного решения» (п. 7-10). Суд отметил, что «содержание заявительницы под стражей, подтвержденное на основании Постановления суда от 26 марта 2007 г., т.е. через 34 дня после ее фактического задержания, противоречило Конституции РФ и УПК РФ, согласно которым максимальный срок задержания в отсутствие судебного решения не может превышать 48 часов. Минская конвенция, устанавливающая, что временное содержание под стражей должно соответствовать национальной процедуре, также не давала для этого оснований. Российские власти ошибочно истолковали соответствующее положение Минской конвенции, которое не являлось основанием для содержания под стражей в течение первоначального 40-дневного срока, но устанавливало, что лицо, содержащееся под стражей более указанного периода времени, должно быть освобождено, если в отношении него не поступил запрос о выдаче. Таким образом, суд отметил, что содержание С. Щebet под стражей без судебного решения нарушает требования уголовно-процессуального законодательства РФ и не может потому рассматриваться как законное» (п. 61-70).

В данном случае требования Минской конвенции должны применяться в системной связи с важнейшими положениями Конституции РФ и УПК РФ. Следовательно, содержание С. Щebet под стражей более 48 часов явилось недопустимым, и прокурору следовало бы принять решение об избрании в отношении нее меры пресечения в виде заключения под стражу в порядке ст. 108 и 466 УПК РФ, чего в данном случае своевременно сделано не было.

Очередные нарушения порядка применения правовых норм о содержании под стражей лиц, подлежащих выдаче, выявлены в действиях российских

правоохранительных органов Европейским Судом по правам человека в постановлении от 11 декабря 2008 г. по делу Муминов против РФ¹. Р.Т. Муминов был задержан в г. Грязи Липецкой области на основании запроса о выдаче, поступившего от Республики Узбекистан. В отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, однако срок не был установлен. Так, он оставался под стражей в течение 7 месяцев до принятия решения о выдаче, и в этот период срок содержания его под стражей не продлевался, в связи с чем пребывание Р.Т. Муминова под стражей по истечении двух месяцев признано Европейским Судом незаконным.

Все вышеупомянутые нарушения закона были еще раз подтверждены Европейским Судом в Постановлении от 8 января 2009 г. по делу Худякова против РФ². При решении вопроса о законности и обоснованности заключения и содержания под стражей он сослался на высказанную ранее аналогичную позицию в делах Рябикина, Насруллоева, Исмоилова, Щебет.

Данные негативные тенденции применения норм, касающихся заключения и содержания под стражей были замечены высшим органом судебной власти РФ. Важным шагом на пути преодоления указанных проблем стало принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 октября 2009 г. «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста»³, п. 34 которого внес некоторую ясность в применении норм ст. 108 и 109 УПК РФ. Однако уже в 2013 г. оно утратило силу в связи с принятием Пленумом Верховного Суда РФ нового Постановления «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19 декабря 2013 г. В нем уже нет пункта, специально посвященного выдаче, а имеется всего одна норма. Так, для правильного установления даты окончания срока

¹ Muminov v. Russia. Жалоба № 42502/06 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – №7.

² Khudyakova v. Russia. Жалоба №13476/04 // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 4.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22 (ред. от 14.06.2012) «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (утратил силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 1.

содержания под стражей необходимо учитывать положения ч.10 ст. 109 УПК РФ, в соответствии с которыми в срок содержания под стражей засчитывается время, в течение которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации в соответствии со статьей 460 УПК РФ.

Соответствующие изменения были внесены также в ст. 463 УПК «Обжалование решения о выдаче лица и судебная проверка его законности и обоснованности». В целях обеспечения единства практики Пленум Верховного Суда 14 июня 2012 г. принял Постановление «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»¹, в котором дал разъяснения по данной проблеме.

Проведенная реформа в отношении правовых норм о заключении и содержании под стражей лица до решения вопроса о выдаче устранила явные недостатки и неточности уголовно-процессуального законодательства в сфере выдачи. Несмотря на это, практика Европейского Суда свидетельствует о том, что указанные изменения в абсолютной мере не исключили подобного рода нарушения. В 2017 г. ЕСПЧ рассмотрел, аналогичное предыдущим, дело Кошевого. Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей до процедуры экстрадиции являлось незаконным лишением свободы, так как данная мера не была осуществлена в соответствии со всеми требованиями законодательства вследствие отсутствия указания точного срока такой меры. ЕСПЧ в своем Постановлении от 13 июня 2017 г. по делу Кошевой против РФ² единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требования п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на свободу и личную неприкосновенность) относительно периода, когда не был указан точный срок, но не допустили наруше-

1

2

ния, где срок был установлен, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю 7 500 евро в качестве компенсации морального вреда¹.

Полагаем, что данные нарушения происходят потому, что правоприменители оставляют без внимания разъяснения Верховного Суда РФ и руководствуются лишь гл. 54 УПК РФ, прямо не закрепляющей обязанность продления срока содержания под стражей, и в целом не имеющей отсылки к применению в вопросах выдачи норм ст. 108 и 109 УПК.

Подводя итог, резюмируем, что сегодня в России еще имеются проблемы как в законодательной базе, регулирующей порядок выдачи, в частности вопросы содержания под стражей в рамках данной процедуры, так и в практической правоприменительной деятельности компетентных государственных органов РФ. Анализ практики ЕСПЧ позволил выявить неточности и пробелы российского законодательства в сфере выдачи, влекущие нарушение фундаментальных прав человека. Российская правовая система еще не до конца адаптирована под общеевропейские стандарты, а отечественные судебные и правоохранительные органы недостаточно четко ориентируются в широком комплексе норм международного и национального права. Поэтому наглядно прослеживается важность и значимость совершенствования норм российского института выдачи, т.к. эта процедура детализирована нормами именно национального законодательства.

2.2 Роль института выдачи в обеспечении национальной безопасности

Базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, а также цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности России и обеспечение ее устойчивого развития на долгосрочную перспективу,

¹ Информация о Постановлении ЕСПЧ от 13.06.2017 по делу «Кошевой (Koshevoy) против Российской Федерации» (жалоба № 70440/10) // Российская хроника Европейского Суда. – 2017. – № 3 (43).

является «Стратегия национальной безопасности РФ»¹, принятая Указом Президента в 2015 г.

Согласно Стратегии национальная безопасность представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Рассматривать взаимосвязь национальной безопасности и института выдачи следует через призму преступности, поскольку именно она представляет одну из основных угроз национальной безопасности, а выдача, задачами которой является привлечение к уголовной ответственности и исполнение наказания, в свою очередь, является действенным инструментом, используемым государствами в борьбе с преступностью.

Преступность как негативное социальное явление существует в любом государстве. И хотя ее невозможно искоренить полностью, возможно создать такой правовой механизм, который бы в совокупности с иными мерами способствовал сведению уровня преступности к минимуму. К тому же, сегодня преступность представляет угрозу не только национальной, но и международной (глобальной) безопасности.

Стратегия национальной безопасности в качестве основных угроз государственной и общественной безопасности называет:

- деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми;
- деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фа-

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

шизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе;

- преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности;
- коррупцию.

На сегодняшний день эти и другие преступления, перечень которых является вполне внушительным, представляют большую опасность не только для конкретного государства, а для всего человечества. В условиях развития современного общества появляются новые и трансформируются уже имеющиеся виды преступлений. Так, еще до середины XX века мировое сообщество не было знакомо с таким преступлением как международный терроризм. Российская Федерация только совсем недавно в 2016 г. установила уголовную ответственность за акт международного терроризма, включив соответствующую статью в Главу 34 Уголовного кодекса РФ «Преступления против мира и безопасности»¹.

Судить о роли института выдачи в обеспечении национальной безопасности государства можно также исходя из последствий неосуществления принципа неотвратимости наказания. Стоит отметить, что не только запрашивающее государство заинтересовано в том, чтобы привлечь к уголовной ответственности подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления лиц и исполнить в отношении него наказание, но и государство, к которому поступил запрос о выдаче. Это связано с тем, что, находящееся на его территории лицо является «условным» преступником и может представлять опасность для окружающих, существующего правопорядка и даже национальной безопасности этого государства. Все зависит от степени тяжести вменяемых ему преступлений, ведь абсолютно не исключено, что он может продолжить

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

подобного рода преступную деятельность уже на территории иностранного государства.

Сегодня нанести вред иностранному государству, не пересекая его границ, не вызывает особых проблем. В связи с этим, на выдачу лица может претендовать страна, которой последствиями преступного деяния был причинен ущерб. Раньше было сложно представить ситуацию, когда преступление совершается дистанционно, сейчас это обычное явление, вошедшее в практику преступников. Отдаленно, как правило, совершаются преступления с использованием компьютерных технологий (например, вымогательство, мошенничество, некоторые преступления в сфере экономической деятельности, пропаганда терроризма, экстремизма, сепаратизма и другие).

Общественная опасность преступлений в сфере компьютерной информации заключается в возможности причинения вреда интересам личности, общества и государства посредством вмешательства в деятельность информационных систем. Стратегия Национальной безопасности Российской Федерации признает стремительное совершенствование форм противоправной деятельности в сфере высоких технологий серьезной угрозой национальным интересам России. Киберпреступность сегодня стала самой динамично развивающейся и прибыльной отраслью преступного бизнеса¹.

Главный научный сотрудник ВНИИ МВД России П.Н. Кобец отмечает, что в 2016 г. МВД России столкнулось практически со всеми актуальными видами кибератак, и необходимо отметить, что с каждым годом подобные атаки становятся все сложнее и изощреннее. Целью киберпреступников все чаще становятся не клиенты банков, а непосредственно финансовые учре-

¹ Кобец П.Н. Опыт и проблемы предупреждения транснациональной организованной преступности в сфере высоких технологий. Россия и АТР // Проблемы безопасности, миграции и преступности: Материалы междунар. научно-практической конференции. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 180-186.

ждения и объекты информационной инфраструктуры государства¹, что может нанести серьезный урон национальной безопасности РФ.

Информационные технологии сегодня используются преступниками в различных целях. Особенно опасным орудием они стали в руках террористов. Новыми формами проявления терроризма стали кибертерроризм и информационный терроризм. Оба они представляют серьезную угрозу для таких национальных интересов государства, как политическая и социальная стабильность, оборона, незыблемость конституционного строя, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность и т.п.

Эксперты рассматривают кибертерроризм как преднамеренную атаку на информацию, обрабатываемую компьютером, компьютерную систему или сеть, которая создает опасность для жизни и здоровья людей или наступления других тяжких последствий, если такие действия были совершены с целью нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти или провокации военного конфликта.

Информационный терроризм является более широким понятием и подразумевает воздействие на сознание и психику масс с целью формирования необходимых террористам суждений и мнений, которые в дальнейшем определенным образом направляют поведение людей. Глобальный охват сети предоставляет террористам беспрецедентный уровень прямого контроля над содержанием своих посланий². В настоящее время насчитывается более 5 тысяч веб-сайтов, созданных и поддерживаемых организациями, которые международное сообщество признало террористическими. Некоторые из них создаются сразу на множестве популярных языков, создавая массивный источник пропаганды.

¹ Кобец П.Н. Совершенствование стратегии борьбы с отдельными видами преступности – важнейший элемент обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 2 (18). – С. 33.

² Морозова А. П. Кибертерроризм и информационный терроризм как новые формы проявления терроризма // Научные труды северо-западного института управления. – 2017. – №2 (29). – С. 160.

Становится очевидным тот факт, что наряду с положительными сторонами компьютерных технологий создается реальная угроза использования достижений в информационной сфере в целях, не совместимых с задачами поддержания мировой стабильности и безопасности, неприменения силы, уважения прав и свобод человека и т.д. Как раз к числу таких угроз и относится терроризм с использованием современных сетевых технологий.

В результате таких преступлений атакам подвергаются государственные объекты особой важности (правительственные структуры, дипломатические представительства и посольства, исследовательские институты и т.д.). Это может повлечь самые неблагоприятные для государства последствия, в числе которых подмена ценных данных, распространение сведений, представляющих государственную тайну, сбой в работе автоматизированных электронно-вычислительных систем. Опасность заключается и в том, что такие преступления зачастую остаются латентными ввиду сложного механизма их совершения, отсутствия эффективных приемов их расследования, несовершенства правовых актов, регулирующих борьбу с ними. В научных исследованиях отмечается тот факт, что принятая в 2001 г. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации¹ устарела, так как охватывает недостаточный объем компьютерных преступлений, а нормы о выдаче (ст. 25) и правовой помощи, содержащиеся в ней, малоэффективны и требуют усовершенствования. По причине того, что нашей стране не удалось договориться о приемлемых для себя условиях трансграничного доступа к компьютерным системам, в 2008 г. Президент России В. Путин своим распоряжением признал утратившим силу ранее изданное им распоряжение «О подписании Конвенции о киберпреступности»².

¹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003) [Электронный ресурс] // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс URL:<http://www.consultant.ru>. (дата обращения 27.04.2018)

² Распоряжение Президента РФ от 22.03.2008 № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Собрание законодательства РФ. – 31.03.2008. – № 13. – Ст. 1295.

Ведущие мировые державы признают, что угроза кибертерроризма и информационного терроризма является актуальной проблемой современности глобального характера, причем она будет неуклонно нарастать по мере развития и распространения информационных технологий. На фоне происходящего мировое сообщество осознает опасность, исходящую из недр киберпространства и ищет пути противодействия с помощью сотрудничества. Данное сотрудничество реализуется путем координации государствами совместных усилий в борьбе с преступностью в рамках международных организаций (ООН, ОБСЕ, Интерпол и др.), а также много- и двусторонних соглашений между государствами, где стороны договариваются об оказании правовой помощи по уголовным делам, выдачи запрашиваемых в связи с преступлением лиц.

Весьма важной проблемой остается ситуация в области борьбы с незаконной миграцией. К сожалению, естественный процесс миграции не всегда проходит без нарушений нормативной правовой базы того государства, куда лежит конечный путь мигрантов. Так, по официальным статистическим данным, предоставленным Генеральной прокуратурой и Министерством внутренних дел РФ, за последние два года иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России было совершено:

- 43 933 преступлений, в том числе 38 501 гражданами государств-участников СНГ (2016 г.)¹;
- 41 047 преступлений, в том числе 36 233 гражданами государств-участников СНГ (2017 г.)²,

По прогнозам большинства экспертов, рост количества преступлений, совершаемых иностранными гражданами, на фоне нестабильной внешнеполитической обстановки, спровоцированной, в частности, событиями на тер-

¹ Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 г.» // Официальный интернет - сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс].// URL:<http://genproc.gov.ru/>. (дата обращения 12.05.2018).

² Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 г.» // Официальный интернет - сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс].// URL:<http://genproc.gov.ru/>. - (дата обращения 12.05.2018).

ритории Украины, в ближайшее время продолжится, что является непосредственной угрозой национальной безопасности Российского государства¹.

Принимая во внимание катастрофическую социально-гуманитарную ситуацию, сложившуюся в странах Западной Европы из-за непрекращающихся потоков мигрантов из стран ближнего Востока и северной Африки, можно предположить, что миграционная волна захлестнет и страны – участницы СНГ, в том числе и Российскую Федерацию².

Как показывает практика, налаженный канал переправки нелегальных мигрантов приносит огромный доход, а организация незаконной миграции является одним из источников финансирования преступных формирований. В сложившихся условиях первоочередной задачей органов внутренних дел является выработка эффективных методов противодействия нелегальной миграции. Для России, где постоянно находится несколько миллионов трудовых мигрантов из сопредельных государств, а шестую часть собственного населения составляют мусульмане, угрозы и вызовы национальной безопасности, исходящие от неконтролируемой миграции являются особенно актуальными³.

Учитывая высокую вовлеченность боевиков террористических организаций в различные виды преступной деятельности, в том числе торговлю людьми, незаконный оборот наркотиков, оружия, боеприпасов и радиоактивных материалов, объективно следует ожидать реализацию таких преступных намерений через миграционные потоки. В связи с этим в целях недопущения проникновения на территорию государства потенциальных преступников, в частности радикально настроенных экстремистов, приоритетное значение приобретает проверка прибывающих лиц по всем имеющимся учётам, включая базы данных Интерпола, содержащие информацию о разыскиваемых

¹ Кобец П. Н. Указ. соч. – С.32-34.

² Там же.

³ Кобец П.Н. О незаконной внешней миграции в России середины второго десятилетия XXI столетия // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2014. – № 6. – С.121.

преступниках, иных лицах, склонных к противоправному поведению, а также похищенных или утерянных проездных документах¹.

Киберпреступность, терроризм, организация незаконной миграции – это те преступления, которые на данном этапе представляют наибольшую угрозу национальной безопасности для государств ввиду своей масштабности, высокой степени и характера общественной опасности и стремительного развития. Борьба с ними является задачей первостепенной важности. Но государствам не стоит забывать и о других, представляющих серьезную угрозу, преступлениях международного и транснационального характера и активизироваться для борьбы с ними, в том числе путем международного сотрудничества по выдаче лиц, запрашиваемых в связи с преступлением, без которого в условиях современной действительности усилия государств не будут столь результативны.

Быстрое экономическое развитие, стремление государств к интеграции, постепенная отмена паспортно-визового контроля, упрощенная процедура въезда и пребывания на территории иностранного государства, развитие компьютерных технологий, науки и техники – все выводит преступность на новый уровень и позволяет лицу в случае совершения преступления скрыться в другой стране. Для эффективной борьбы с преступностью государства заинтересованы в сотрудничестве друг с другом. Учитывая наличие такой проблемы, как международная, транснациональная и организованная преступность, одной из действенных форм сотрудничества в сфере уголовно-процессуального производства является институт выдачи, что ведет к увеличению количества международных норм, регулирующих данный процесс.

Взаимодействие правоохранительных органов различных государств должно осуществляться в целях повышения эффективности их деятельности по профилактике, предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, розыску преступников, возмещению причиненного преступлением ущерба, исполнению наказаний, а также совершенствования международно-

¹ Кобец П.Н. Указ. соч. – С. 35.

правовых норм и национального законодательства в сфере борьбы с преступностью. Для этой цели необходимо создание международной правовой основы упрощенного порядка выдачи лиц, совершивших преступления.

Более того, справедливо будет отметить, что эффективность процедуры выдачи как особой формы сотрудничества в сфере борьбы с преступностью во многом зависит от степени правового регулирования и организационной проработки процедур ее реализации в конкретном государстве. Преобразования, происходящие в стране, вызванные интеграцией и глобализацией, диктуют необходимость развития института экстрадиции на принципиально новой основе, посредством принятия качественно новых нормативных правовых актов, регулирующих выдачу преступников, что позволит обеспечить эффективность данного института в условиях развития процессов расширения преступности за пределы границ одного государства¹.

Как утверждает А.С. Гришин: «Значение механизма выдачи лиц для уголовного преследования подтверждается возрастающим с каждым годом числом лиц, которые были выданы в рамках межгосударственного сотрудничества по уголовным делам. В то же время, перед отечественной юридической наукой стоит задача более полного раскрытия потенциала выдачи, особенно в рамках постсоветского пространства, где необходимо развивать идею общего пространства борьбы с преступностью, по аналогии с общеевропейским»².

¹ Нурлыбаев Н. Некоторые особенности подхода к правовой характеристике выдачи преступников (экстрадиция) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – №3. – С. 23.

² Гришин А.С. Указ. соч. – С. 7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ доктринальных источников показал, что в международном праве вокруг института выдачи сложился целый круг нерешённых проблем. Теоретические дискуссии касаются субъектного состава, целей, протяженности выдачи во времени, места данного института в науке международного уголовного права и др.

Рассмотрев различные точки зрения, полагаем, что определением, наиболее точно характеризующим содержание института выдачи является следующее: выдача представляет собой основанную на нормах международного и национального права совокупность правовых отношений между государствами, заключающихся в совершении уголовно-процессуальных действий, направленных на розыск, задержание, заключение под стражу и непосредственную передачу лица государством, на территории которого находится требуемое лицо по запросу государства, на территории которого было совершено преступление, государства, пострадавшего от преступления или государства, гражданином которого является данное лицо, а также международному судебному органу в целях привлечения к уголовной ответственности или для исполнения, вынесенного в отношении него приговора.

Считаем, что необходимо разграничить такие институты, как правовая помощь, выдача и передача лица для отбывания наказания в государство гражданства, поэтому целесообразно закрепить понятия выдачи и передачи в статье 5 (Основные понятия) УПК РФ с целью их разграничения.

Для института выдачи характерны следующие принципы: принцип неотвратимости наказания; недопустимости двойного инкриминирования; двойной преступности (подсудности); специализации (правило конкретности); экстрадиционности преступления («минимального срока наказания»); ответственность за совершения финансового преступления; принцип взаимности; принцип невозвращения; невыдачи собственных граждан; отказ в выдаче по гуманным соображениям; принцип освобождения от ответственности за совершения политического преступления и принцип истечения срока давности.

Названные принципы являются основными, но поскольку, институт выдачи представляет собой многогранное явление, не имеющее твердо установленных рамок, то он может и не ограничиваться только ими.

Выдача лиц, требуемых в связи с преступлением, осуществляется на основании конвенций, двусторонних договоров и иногда – национальных законов. Следует подчеркнуть, что договорная основа выдачи не распространяется на лиц, совершивших международные преступления. Входящие в их число агрессия, геноцид, преступления против мира, человечества и военные преступления находятся в юрисдикции международных судебных органов. Так, на основании Римского Статута 1998 г. и других международных документов обвиняемые подлежат безусловной выдаче соответственно Международному уголовному суду или иным международным судебным органам – специально созданным трибуналам *ad hoc*, а также гибридным (смешанным) судебным органам.

Императивными (безусловными) основаниями для отказа в выдаче являются: политический характер преступления; преследование по дискриминационным признакам; соблюдение принципа «*non bis in idem*»; иммунитет от судебного преследования или наказания, в том числе истечение срока давности и амнистия; обвинение в совершении военного преступления; решение было вынесено в отсутствие обвиняемого, который не имел и не будет иметь возможности для проведения повторного слушания дела в его присутствии; лицо было или возможно будет подвергнуто пыткам, жестоким или унижающим достоинство видам обращения или наказания, а также несоблюдение прав человека на минимальные гарантии в процессе уголовного разбирательства; отсутствие достаточных доказательств виновности лица.

К факультативным основаниям для отказа следует отнести: гражданство запрашиваемого лица; решение компетентных органов запрашиваемого государства не возбуждать либо прекратить судебное преследование лица; возможность применения к выдаваемому лицу наказания в виде смертной казни; соображения гуманности (возраст, состояния здоровья и др. обстоя-

тельства); закона места совершения правонарушения, а также, если последствия выдачи могут нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенно важным интересам государства.

Следует отметить, что государства могут не ограничиваться общепризнанными основаниями, а реализовать право на оговорку, предусмотренное конвенциями, либо непосредственно включить в перечень оснований двустороннего договора необходимое условие невыдачи.

Институт выдачи представляет собой комплексный правовой институт, сочетающий нормы и международного, и внутригосударственного права. В Российской Федерации он регулируется, в первую очередь, Конституцией, а также нормами УК РФ и УПК РФ. Специальный закон о выдаче в России отсутствует. При этом сегодня имеются проблемы как в законодательной базе, регулирующей порядок выдачи, в частности вопросы содержания под стражей в рамках данной процедуры, так и в практической правоприменительной деятельности компетентных государственных органов РФ. Анализ практики ЕСПЧ позволил выявить неточности и пробелы российского законодательства в сфере выдачи, влекущие нарушение фундаментальных прав человека. Российская правовая система еще не до конца адаптирована под общеевропейские стандарты, а отечественные судебные и правоохранительные органы недостаточно четко ориентируются в широком комплексе норм международного и национального права. Поэтому наглядно прослеживается важность и значимость совершенствования норм российского института выдачи, т.к. эта процедура детализирована именно нормами национального законодательства.

На современном этапе развития международная транснациональная и организованная преступность представляют существенную угрозу национальной безопасности каждого государства. В этой связи институт выдачи должен стать эффективным инструментом, который используют государства в борьбе с неправомерными действиями. Значение механизма выдачи лиц для уголовного преследования подтверждается возрастающим с каждым годом

числом лиц, которые были выданы в рамках межгосударственного сотрудничества по уголовным делам. В то же время, перед отечественной юридической наукой стоит задача более полного раскрытия потенциала выдачи, особенно в рамках постсоветского пространства, где необходимо развивать идею общего пространства борьбы с преступностью, по аналогии с общеевропейским.

Учитывая, что международное сотрудничество по выдаче лиц представляет собой сложное системное явление, необходимо продолжать проведение фундаментальных научных исследований с использованием законодательного опыта России, других стран и международных организаций, а также обобщения судебной практики и практики выполнения международных договоров, для выработки конкретных форм и программ совместных действий государств в данной области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Международные правовые акты

1. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 14 – 47.
2. Статут Международного Суда (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 47 – 63.
3. Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13.12.1957) (с изм. от 20.09.2012) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 9. – С. 3 - 11, 19 - 28.
4. Дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче (подписан в г. Страсбурге 15.10.1975) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 9. – С. 12 - 14, 31 - 34.
5. Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче (подписан в г. Страсбурге 17.03.1978) (с изм. от 20.09.2012) // Бюллетень международных договоров. – № 9. – 2000. – С. 15 – 18, 35 – 38.
6. Четвертый дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче (Подписан в г. Вене 20.09.2012) // Бюллетень международных договоров. – № 1. – 2018.
7. Межамериканская конвенция о выдаче (Заключена в г. Каракасе 25.02.1981) // Treaty Series. Volume 1752. – New York: United Nations. – 2000. – P. – 177 – 235.
8. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) (с изм. от 28.03.1997) // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 2.

9. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – № 2 (41). – С. 82 – 130.

10. Резолюция № 45/116 Генеральной Ассамблеи ООН «Типовой договор о выдаче» (Принята 14.12.1990 на 68–ом пленарном заседании 45–ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/index.html>.

11. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – № 67, 5 апреля.

12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. – № 3. – 2001.

13. Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (ETS №114) (Подписан в г. Страсбурге 28.04.1983) // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.

14. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // Собрание законодательства РФ. – 03.08.1998. – № 31. – Ст. 3835.

15. Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах (ETS №187) (Подписан в г. Вильнюс 03.05.2002) // Московский журнал международного права. – 2004. – № 2.

16. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496–ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 12. – 1994.

17. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Заключена 10.12.1984) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLIII. – М. – 1989. – С. 115 – 125.

18. Конвенция о статусе беженцев (Вместе с «Комментарием», «Образцом проездного документа») (Заключена в г. Женеве 28.07.1951) // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 9. – С. 6 – 28.

19. Декларация о территориальном убежище (Принята 14.12.1967 Резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеей ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература. – 1990. – С. 287 – 289.

20. Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Ведомости ВС СССР. – 29 апреля 1964 г. – № 18. – Ст. 221.

21. Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLV. – М. – 1991. – С. 124 – 147.

22. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Бюллетень международных договоров. – № 2. – 2005. – С. 3 – 33.

23. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003) // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru>.

24. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Заключена в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 10. – С. 68 - 82.

25. Римский статут Международного уголовного суда (Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL:<http://www.un.org/ru/index.html>.

26. Договор между Российской Федерацией и Японией о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Токио 12.05.2009) // Бюллетень международных договоров. – 2011. – № 8. – С. 59 – 68.

27. Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Подписан в г. Абу–Даби 25.11.2014) // Бюллетень международных договоров. – 2016. – № 9. – сентябрь.

28. Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче (Подписан в г. Дели 21.12.1998) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 10. – С. 36 – 42.

29. Договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче (Подписан в г. Москве 14.01.2002) // Бюллетень международных договоров. – 2007. – № 3. - С. – 64 – 71.

30. Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче (Подписан в г. Анкаре 01.12.2014) // Бюллетень международных договоров. – 2017. – № 10. – октябрь.

31. Договор между Российской Федерацией и Аргентинской Республикой о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (Подписан в г. Буэнос–Айресе 12.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – № 6. – Ст. 801. – 2018. – 5 февраля.

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6–ФКЗ, от 30.12.2008 № 7–ФКЗ, от 05.02.2014 № 2–ФКЗ, от 21.07.2014 №11–ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174–ФЗ (ред. от 19.02.2018 № 31–ФЗ) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // Российская газета. – 2001. – № 249, 22 декабря; 2018, 04 мая.

4. Федеральный закон от 25.10.1999 №190–ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней» // Российская газета. – 1999. – № 214, 28 октября.

5. Федеральный закон от 07.03.2017 № 23–ФЗ «О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче» // Российская газета. – 2017. – № 50, 10 марта.

6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 18.04.2018) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – № 39, 18 февраля.

7. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 04.01.2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

8. Положение о Главном управлении международно-правового сотрудничества (утв. Генпрокуратурой России 15.02.2007) // Официальный интернет – сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс].URL:<http://genproc.gov.ru/>.

Материалы правоприменительной практики

1. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 13.06.2017 по делу «Кошевой (Koshevoy) против Российской Федерации» (жалоба № 70440/10) // Российская хроника Европейского Суда. – 2017. – № 3 (43).

2. Ryabikin v. Russia. Жалоба №8320/04 // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 1.

3. Ismoilov and others v. Russia. Жалоба №2947/06 // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 2.

4. Shchebet v. Russia. Жалоба № 16074/07 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 5.

5. Nasrulloev v. Russia. Жалоба № 656/06 // Российская хроника Евро-

пейского Суда. – 2008. – № 3.

6. Muminov v. Russia. Жалоба №42502/06 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – №7.

7. Khudyakova v. Russia. Жалоба №13476/04 // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 4. – С. 63-78.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 2. – февраль. – 2014.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 8. – август. – 2012.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22 (ред. от 14.06.2012) «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (утратил силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 1. – январь. – 2010.

Научная и учебная литература

1. Арямов А.А. Чигак А.А. Институт экстрадиции в международном праве // Публичное и частное право. – № I (XXXIII). – 2017. – С. 95–103.

2. Бойцов А.И. Выдача преступников. – СПб.: Юридический центр Пресс. – 2004. – 795 с.

3. Бутко Б.В. Значение положения *non bis in idem* как принципа уголовного права // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей победителей VIII Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 349–351.

4. Быкова Е.В., Выскуб В.С. Политическая мотивированность решений об отказе в выдаче как противодействие международному сотрудничеству в

борьбе с преступностью // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – № 8. – 2012. – С. 94–98.

5. Быкова Е.В. Роль российской прокуратуры в международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2008. – № 11. – С. 58-60.

6. Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве (некоторые вопросы теории и практики). – Казань, 1976. – 126 с.

7. Вениаминов А.Г. Практика Европейского Суда по правам человека по вопросам содержания под стражей лиц, подлежащих экстрадиции // *Актуальные проблемы российского права.* – 2010. – №3. – С. 312-323.

8. Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 336 с.

9. Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. – М.: Международные отношения, 1972. – 167 с.

10. Горичева В.Л., Левашова О.В. Политический аспект института экстрадиции в постсоветском пространстве // *Проблемы постсоветского пространства.* – Т. 4. – № 2. – 2017. – С. 126–136.

11. Гришин А.С. К вопросу о понятии выдачи лиц в целях осуществления уголовного преследования или исполнения приговора (экстрадиции) // *Вопросы российского и международного права.* – 2014. – № 1–2. – С. 30–60.

12. Джигирь А.И. Экстрадиция: терминологический аспект // *Закон и право.* – 2008. – № 6. – С. 107–108.

13. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Монография. Общая часть / Под общ. и науч. ред.: Щерба С.П. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 448 с.

14. Евсичева Л.Л. Экстрадиция, выдача и передача как институты международного сотрудничества в российском уголовном процессе (сравнительно-правовой аспект) // *Человек: преступление и наказание.* – 2013. – № 1. – С. 109–113.

15. Ижнина Л.П. Соотношение терминов «правовая помощь по уголовным делам», «выдача преступников» и «экстрадиция» // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 369–372.

16. Звирбуль В.К., Шупилов В.П. Выдача уголовных преступников. – М., 1974. – 102 с.

17. Измайлова П.Р. Проблемы экстрадиции в международном публичном праве // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2010. – № 5. – С. 46–55.

18. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 405 с.

19. Карапетян С.А. Участие прокуратуры Российской Федерации в международно-правовом сотрудничестве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры российской федерации. – 2017. – 1 (57). – С. 24-32.

20. Климов Е.В. Институт выдачи в уголовном процессе: определение понятия и значение // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 2. – С. 89–93.

21. Кобец П.Н. Совершенствование стратегии борьбы с отдельными видами преступности – важнейший элемент обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 2–1 (18). – С. 32–39.

22. Кобец П. Н. О негативных последствиях незаконной миграции на территории Российской Федерации и основных организационно-правовых мерах, направленных на усиление борьбы с незаконной миграцией // Миграционное право. – 2017. – № 1. – С.32–34.

23. Комментарий к Уголовно–процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 2–е изд. перераб. и доп – М.: Юрайт–Издат, 2006. – 1124 с.

24. Коняхин В. Институт экстрадиции: уголовно-правовая регламентация // Законность. – 2005. – № 1. – С. 17–19.

25. Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... к. юрид. н. – СПб., 2005. – 25 с.

26. Кулаков В.С. Особенности и формы борьбы с международной преступностью // Право и образование. – 2004. – № 4. – С. 64–72.
27. Кучухидзе С.Т. Правовые основания для отказа в экстрадиции в международном публичном праве: автореф. дисс.... к. юрид. н. – М., 2008. – 21 с.
28. Ляхов Е.Г. Экстрадиция и принцип «aut dedere aut judicare»: становление и современные проблемы // Публичное и частное право. – 2012. – № 2. – С.165–172.
29. Марченко А.В. Международное сотрудничество в уголовном процессе по выдаче преступников: правовое регулирование и практика: автореф. дисс. ... к. юрид. н. – СПб., 2004. – 26 с.
30. Международное право: Учебник для вузов/Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – 3–е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 624 с.
31. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / А. В. Наумов, А. Г., Кибальник, В. Н. Орлов и др.; под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. – 2–е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт. – Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс. – 2016. – 510 с.
32. Минкова Ю.В. Принципы института выдачи (экстрадиции) в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М, 2002. – 20 с.
33. Морозова А.П. Кибертерроризм и информационный терроризм как новые формы проявления терроризма // Научные труды северо-западного института управления. – 2017. – № 2 (29). – С. 154–163.
34. Налбандян П.С. Проблемы регламентации и осуществления экстрадиции по уголовно-процессуальному законодательству России как вида правовой помощи по уголовным делам // Казанская наука. – 2012. – № 11. – С. 253–256.
35. Наумов А.В. Практика применения уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование // Под ред. Г.М. Резника. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 1024 с.
36. Нигматуллин Р.В. Правовая политика современного государства в сфере борьбы с международной преступностью // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 3 (33). – С. 24–30.

37. Никольский Д.П. О выдаче преступников по началам международного права // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru>.

38. Нурлыбаев Н. Некоторые особенности подхода к правовой характеристике выдачи преступников (экстрадиция) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 3 – 2. – С. 22–24.

39. Очкасова И.В. «Право убежища» как сдерживающий принцип в осуществлении экстрадиции в международных отношениях // Актуальные проблемы российского права. – №3. – 2009. – С. 488–494.

40. Плотников А. В. Принцип non bis in idem и обеспечение прав человека в экстрадиционном процессе // Современное право. – 2011. – № 4. – С. 135–138.

41. Попаденко Е. Выдача лиц в международном уголовном праве // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 60–65.

42. Рассказов С.С. К вопросу о понятии экстрадиции в правоприменительной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 50. – С. 112–114.

43. Решетнева Т.В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики: дисс. ... к. юрид. н. – Ижевск, 2009. – 276 с.

44. Романов А.К. Лысягин О.Б. Институт экстрадиции: понятие, концепция, практика // Право и политика. – 2005. – № 3. – С. 91–98.

45. Саргсян Л.Л. Некоторые международно-правовые аспекты выдачи преступников // Вестник общественных наук НАН Армении. – 2002. – № 2. – С. 164–175.

46. Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 391 с.

47. Сашенко А.И. Институт экстрадиции в уголовном праве // Юридический журнал. – 2009. – № 2. – С. 90–94.

48. Смирнов М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. – 2007. – № 3. – С. 12–17.

49. Строганова А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации. – М.: Щит–М, 2005. – 141 с.

50. Уголовный процесс: Учеб. / Под ред. В.П. Божьева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Спарк, 2004. – 671 с.

51. Францифоров Ю.В., Несмачная Н.В. Институт выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2013. – № 11. – С. 14–17.

52. Шаргородский М.Д., Беляев Н.А. Курс советского уголовного права: в 5 т. – Л., 1968. – Т. 1. – 648 с.

Интернет-ресурсы

1. Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.un.org/ru/index.html](http://www.un.org/ru/index.html).

2. Официальный Интернет - сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. URL: [http:// genproc.gov.ru/](http://genproc.gov.ru/).

3. Официальный Интернет - сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: [http:// мвд.рф/](http://мвд.рф/)